

АНДРЕЙ ЩУПОВ

ВРЕМЯ СТАЙ

Андрей Щупов

ВРЕМЯ СТАЙ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63374562

ISBN 9785005182562

Аннотация

«Время стай» – одна из первых книг цикла повестей о буднях охранного агентства «Кандагар». Описываемое время – смутные месяцы миллениума. На дно пруда уходит машина с изумрудами. Оказавшись втянутыми в бандитские распри, сотрудники агентства узнают о затонувших сокровищах. Попутно их втягивают в большую политику, отправляя с секретным оружием в пылающую Югославию. Сложно не совершить ошибку, не сложить голову, и «кандагаровцам» постоянно приходится балансировать на краю пропасти...

Содержание

ВРЕМЯ СТАЙ	5
ПРОЛОГ	6
Глава 1	21
Глава 2	33
Глава 3	48
Глава 4	65
Глава 5	90
Глава 6	106
Глава 7	133
Глава 8	158
Конец ознакомительного фрагмента.	159

ВРЕМЯ СТАЙ

Андрей Щупов

Дизайнер обложки Светлана Манина

© Андрей Щупов, 2020

© Светлана Манина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-8256-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВРЕМЯ СТАЙ

«Люди, презирающие своих ближних, быстрее прочих находят кумиров, наделяя их всеми недостающими человечеству идеальными качествами.»

Доминик Солонцев

ПРОЛОГ

Сверху сыпало, внизу таяло, ладонь на автоматном прикладе то и дело потела. Приходилось вытирать ее о штанину, попутно смахивать с лица клейкие, мало похожие на снег хлопья.

Поморщившись, Мятый запрокинул голову. Сосновые кроны напоминали мокрые кроличьи шапки. В редких просветах между стволов, расплзаясь серой акварелью, плыли чахлые тучки. Из них, верно, и сеяло этой мусорной сажей.

Заставив Мятого вздрогнуть, со стороны еловых посадок долетел взрыв смеха. Покривившись, стрелок подхватил автомат, броском пересек чавкающий кочковатый лужок. Когда случайная ветка мазнула по щеке, вполголоса выругался. Черт бы побрал этих папуасов! Даже тут затеяли играща!

Он миновал вереницу приземистых елей, пинком разметал встречный, присыпанный снегом муравейник и выскочил на поляну.

Так и есть! Устроившись возле почерневшего старого пня, Гриня с Лысым – его сегодняшние помощнички – преспокойно резались в очко. Оружие бесхозно лежало в сторонке, за дорогой они и не думали наблюдать.

– Вы что, охренели! А ну, живо по местам!

Рассыпая карты, Гриня испуганно вскочил – точь-в-точь молодой солдатик из «шнурков», Лысый спокойно и флегматично повернул голову.

– Чего орешь? Все вроде спокойно.

– Спокойно? – Мятый перешел на зловещий шип. – Ты на часы смотришь? Нашли время торчок устраивать!

– А чего зря балду гонять? Оттянулись чуток – и нормально.

– Нормально?! А если машина подъедет?

– Подъедет, тогда и будет базар. – Лысый с тем же спокойствием собрал карты в колоду, подравняв о кирпичного цвета ладонь, спрятал в карман. – Взял и поломал игру.

– Я тебе еще не то поломаю!

– Да ну? – Лысый глянул насмешливо.

– Не я, так Краевой.

Имя Краевого возымело действие. Лысый поостерегся перечить. Однако пальцем себя по лбу все-таки постучал:

– Чего гоношиться раньше времени? Дорога с рудника одна, мотор в лесу за полверсты услышим.

Мятый и сам это понимал. Но за операцию отвечал он, а потому обязан был гоношиться. С нескрываемой злостью он посмотрел в снулые, ничего не выража-

ющие глаза напарника. Широченное, как сковорода, лицо, обширный череп – отчетливо полосатый от равномерно зачесанных волос. По слухам, Лысый фиксировал их женским лаком. Впрочем, о лаке никто вслух не заикался. Лысый только на первый взгляд напоминал ленивого северного тюленя. При желании запросто мог взорваться и изувечить, не считаясь ни с годами, ни с рангом. Это знали в бригаде, это знал и Мятый. Главная же закавыка заключалась в том, что Лысый действительно являлся профессионалом. Со ста метров без всякой оптики попадал в жетон от метро, мастерски управлялся с винтовками Мосина и Драгунова, а АКМ в его жирных ручищах казался детской игрушкой. Словом, в заданиях, вроде нынешнего, он был незаменим.

– Короче так, – более спокойно заговорил Мятый. – Гриня идет к джипу, сидит на стреме. Не плевать и не курить! Про перец не забывайте!

– Больно все мудрено, – протянул Гриня. – То есть без курева еще можно потерпеть, а если мне, к примеру, по нужде приспичит?

– Потерпишь! – Мятый вновь начал заводиться. – Через пару часов сюда взвод ищеек нагрянет, каждый куст обнюхают и обшарят.

– К тому времени снегом все десять раз завалит.

– Завалит или нет, а Краевой выразился ясно: сле-

дов не оставлять! Вкурили, соколы?

Гриня энергично закивал, Лысый же продолжал смотреть исподлобья и тяжело. Во всяком случае выдержать этот взгляд было непросто. В подвальные эс-кулапы ему бы с такими гляделками!.. Мятый, набычившись, процедил:

– Я спрашиваю, все ясно?

Они буравили друг друга глазами секунд десять. Не моргая и не отворачиваясь. В конце концов Лысый все же откликнулся:

– Базара нет, что ж тут неясного... Ты другое скажи, что делать, пока машины нет? Птичек лесных считать?

Он без сомнения издевался.

– Сейчас ты у меня посчитаешь... – Мятый споткнулся, не завершив фразы. В лесной разноголосый хор хриплой и заунывной нотой вплелось чужеродное далекое гудение.

– Едут! – пискнул Гриня.

– По местам! – Мятый кивнул Лысому. – Начинаем, как договорились.

Долгожданный «УАЗ» показался на повороте, с натугой стал одолевать подъем. Мятый еще раз мыс-

ленно похвалил тех, кто выбрал именно это место. Вполне возможно, что Краевой лично определил точку для засады. И время назначил, и марку машины указал. Правильно говорят: легче легкого грабить самих себя. То есть приятного в этом, конечно, мало, но что делать, если Скальный рудник, как и Малышевский, уплывал в чужие закрома, если на последний куш конкуренты спешили наложить загребущую лапу. Так или иначе, но все шло по плану. Скорость на подъеме «УАЗ» сбросил, а на таком черепашьем ходу промазать было сложно.

Колено продавило покрытый наледью дерн, утонуло в мокром, но сейчас было не до того. Уперев приклад в плечо, Мятый следил за приближающимся транспортом. Двое на переднем сидении, да в фургоне пара-тройка упырей из охраны. Самой собой, есть у ребят и инструкции, и оружие, так что вся надежда на первые точные выстрелы.

Мушка сошлась с лобовым стеклом, поплыла, вторя ухабам, на которых раскачивался «УАЗ». И не к месту зазудела в голове мысль про Лысого. По договоренности открывать огонь должен был именно он. Но Лысый – тянучка известный, да еще с характером. Любит, гад, поиграть на нервах. Что ему этот «УАЗ»? Не ему держать ответ перед Краевым. А о том, что именно везут с изумрудного прииска, Лы-

сый знать не знает. Просто не положено по рангу. Потому и не представляет, чем они рискуют. Протянет, шутник, лишнюю секунду, и амба всей операции. Не так уж много нужно инкассаторам, чтобы улизнуть из рук. Всего-то чуток форы. Одолеют последний поворот, дадут по газам, и уже через полминуты окажутся вне досягаемости пуль.

Мятый припомнил названную ему накануне сумму и внутренне похолодел. Краевой не зря выдавал подчиненному тайну. Даже пальцем дважды ткнул в грудь. Устраивал, собака такая, проверку. Вроде как, мы тебе верим, вот и оправдай! Докажи, что ты наш. А не выдержишь экзамена, головушку отвинтим. Тебе и всем твоим помощничкам. Все проще простого!

Палец самовольно ерзнул на спуске. Автомат ожившим зверем взрычал и задергался. Лес наполнился грохочущим эхом. Лобовое стекло фургона треснуло, машина неустойчиво качнулась, вильнув в сторону, смяла бампером тонкую березку, нехотя притормозила. И тотчас косая вспышка ударила из окна, над головой опасно вжикнуло. Уже почти не целясь, Мятый бешено завращал автоматным стволом. Дробь стекла и сминая жесть, пули кромсали несчастный «УАЗ», проносясь над машиной, глухо тонули в древесных стволах. Рожок опустел в считанные секунды, но палец словно примерз к курку. Оглохший от собствен-

ных очередей, Мятый не сразу сообразил, что патроны кончились. Стоило автоматному огню смолкнуть, как скрежетнули отпираемые дверцы, из машины выпрыгнул человек.

Дьявол!.. Мятый вскочил на ноги, но, увидев, что охранник без чемоданчика, вновь опустился на колени. Дрожащая рука все никак не могла управиться с магазином. Ломая ветки, на дорогу вылетел Лысый. Пробегая мимо Мятого, на секунду задержался.

– Козел!

Он даже не обвинял – просто констатировал факт. Мятый промолчал, потому что сказать действительно было нечего. Впрочем, свидетелей нет, а в горячке чего не брякнешь. Можно вообще сделать вид, что не услышал.

Рожок наконец-то попал в гнездо, с щелчком встал на место. Мятый бросился к машине.

Два трупа в кабине, сеть трещин на стекле, россыпь пулевых отверстий и всюду безобразные розовые ошметья. Одно лицо, кажется, отдаленно знакомо, но об этом лучше не задумываться. Не лица они разглядывать сюда явились...

Помешкав, Мятый сунулся в салон и почти сразу увидел то, что искал. Бронированный дипломат, наручниками прикованный к кисти лежащего на полу крепыша. Потому, верно, тот, что выбежал, и был пу-

СТЫМ.

Где-то на отдалении пророкотала пара коротких очередей. Лысый исправлял ошибку звеньевского...

– Как тут у вас, нормально?

Вздвогнув, Мятый обернулся. Это был Гриня.

– Ты где, кобел, должен сидеть!

– Так я это... На всякий пожарный.

– Придурок! – Мятый, ворча, пошарил в карманах убитого. Почти сразу пальцы угодили в теплое и липкое. Он брезгливо выдернул руку. Не хватало еще перепачкаться в чужой требухе! Да и черт его знает, есть ли у них вообще ключи.

– Держи! – он придвинул дипломат к Грине. – Натягивай цепь.

Оковы лопнули после первого же выстрела. Дело таким образом было сделано. Взяв дипломат, Мятый выбрался под открытое небо. Покрутив головой, успокоился. Трещала где-то в паутине веток потревоженная сорока, и ленивой трусцей возвращался к машине Лысый. Автомат он, словно лопату, держал на плече. На вопрошающий взгляд Мятого равнодушно кивнул.

– Порядок. Хотя мог уйти. Шустрый хлопчик попался. Вилял, как зайчик. Только со второго раза и снял. У тебя как?

– Товар здесь. – Мятый ладонью похлопал по сталь-

ному чемоданчику. – Можно поджигать.

– А там кто? – Уловив движение в машине, Лысый в мгновение ока прокрутил автомат, направив ствол в «УАЗ».

– Гриня туда залез.

– Ну да? – Лысый, любопытствуя, подошел ближе, заглянул в салон. – Ха! Да мы никак мародерствуем?

– А чего зря добру пропадать! – откликнулся Гриня. Голос его дрожал от азарта. – Смотри, какой лопатник надыбал у хобота! Думал, там деревянные, а оказались баксы.

– Поджигай! – Раздраженно крикнул Мятый.

– Айн момент, – Лысый выудил из кустов пластмассовую, заранее приготовленную канистру, отвинтив крышку, плеснул под колеса фургона.

– Гриня, вылазь!

– Я сейчас. Туточки только еще гляну...

Лысый многозначительно посмотрел на Мятого.

– Плохо быть жадным, а?

В руках его блеснула зажигалка.

– Гриня, – предупредил Мятый, – поджигаем!

– Ща, выхожу...

Выходить он однако не спешил, и все с той же недоброй улыбкой Лысый присел на корточки, щелкнул зажигалкой.

– Е-мое! – Мятый невольно шагнул назад. От ног

Лысого пламя вертлявой дорожкой побежало к машине, опоясало ее хищным кольцом.

– Эй, придурок, последний шанс тебе! – Раскачав на руках, Лысый швырнул флягу в салон. Пламя с ревом взметнулось вверх, заволокло вереща, наружу выскочила горящая фигура.

– Гады!!! За что?

Округлившимися глазами Мятый безмолвно следил за происходящим.

– Не дергайся! – Лысый поймал Гриню за рукав, одним рывком повалил на землю. Катая по снегу, быстро затушил пламя.

– Ну? Накушался баксиков?

Хлюпая носом и чуть поскуливая, Гриня поднялся. Вид его был жалок. Опаленные брови и ресницы, обугленная куртка, вспухшая от ожога щека.

– Вы чего? Я же сгореть мог!

– Очень даже просто, – выдохнул Мятый. Заметив усмешливый взгляд Лысого, качнул головой. – Все путем. За дело наказал.

– Ясно, что за дело. – Лысый ладонью подтолкнул водителя к лесу. – Дуй к машине, жлоб!

– Это кто жлоб!

– Ты, Гриня, ты! И радуйся, что дешево отделался. Мы в свое время таким красавцам гранаты за шиворот спускали.

Мягый опасливо покосился на горящий «УАЗ». Пламя неукротимо подбиралось к бензобаку.

– Все, пацаны, рвем когти! Гриня – первый, Лысый – замыкающим. Я перчиком дорожку припорошу. Через десять минут мы должны быть очень и очень далеко.

Снег и впрямь повалил гуще, однако сбился он с дороги совсем по другой причине. Горела опаленная щека, и правый глаз беспрестанно слезился. А главное, Гриня отчетливо понимал: никто его жалеть не будет. И стоимость попорченной одежды, разумеется, не возместят. Еще и попохочут всласть, когда вернутся.

Гриня стиснул челюсти.

Гады недорезанные! Падлы!.. Сколько он выложил за эту куртку! Еще торговался, дурень, до хрипоты – трижды уходил и снова возвращался. Чуть даже не подрался с барыгой, кое-как уломал на нужную цену. И что в итоге? Несколько секунд, – и нет куртки! В этой оплавленной дерюге теперь только под машиной лежать да в моторах ковыряться. И лопатник выронил! Попробуй удержи, когда огонь задницу лижет. Суки позорные!..

То, что он едет по незнакомой дороге, дошло до во-

дилы с запозданием. И почти с животным ужасом Гриня понял, что ни в коем случае не признается в этом напарникам. Потому что знал – тогда уж точно съедят живьем. Поставят на нем, как на водиле, крест и выпрут из бригады.

Тщетно пытаюсь сообразить, куда же они едут, Гриня крутил руль, глазами рыскал по сторонам. Время от времени прикладывал скомканный платок к глазам, но легче от этого не становилось. Благо еще спутники ничего не замечали – думали о чем-то своем. Запрокинув голову, Мятый продолжал обнимать дипломат, Лысый жевал мятную резинку, мычал под нос какую-то лабуду. «Как с гуся вода! – раздраженно подумал о нем Гриня. – Оставил за спиной четыре трупаря – и хоть бы хны!..»

Дорога внезапно пошла под уклон, лес распахнулся, и, осторожно притормаживая, джип съехал к неровному берегу. Гриня остановился. Нечистой простыней перед ними раскинулось незнакомое озеро.

– Это еще что такое? – Мятый открыл глаза, а Гриня напротив зажмурился. Вот так обычно и начинается страшное. Сейчас сообразят, что он сбился с дороги, и мочканут. Прямо тут же, на берегу.

– Здесь ближе... – Пробормотал он.

– Ближе?

– Ну да, – Гриня указал на противоположный берег,

где угадывалось подобие просеки. – Вы же быстрее хотели, а тут получается напрямки. Выиграем километров семь, а то и все десять.

Ложь, разумеется, не могла спасти, хотя и отдаляла час расплаты. Кроме того, Гриня продолжал надеяться на чудо. Пока суть да дело, можно еще как-то сориентироваться, вывернуть на нужное направление.

– Вроде не помню я тут никакого водоема. – Мятый полез за картой. – Сейчас посмотрим, что это за хреновина.

Чувствуя, как холодеют руки, Гриня вывернул руль, с некоторой поспешностью съехал на лед.

– Тут это... Быстрее, – бубнил он. – Порядочный кусок срежем.

Молчавший до сих пор Лысый, завертел головой.

– А не валяешь ли ты ваньку, Гриня? – Поинтересовался он, и от тусклого его голоса водителя пробрало дрожью.

– Не веришь, сам на карту взгляни!

– Мятый, что там видно?

– Да есть тут какие-то лужи. Правда, чуть левее... – Мятый озабоченно шарил пальцем по карте. – Ну да! Сразу три озера. Камышовое, Маракуль и Черное. Только вот к какому из них выбрались, не пойму.

– Ты дороги поищи. Дороги там есть?

– Вроде есть... – Мятый все больше хмурился.

– А лед у нас как сейчас? – продолжал пытаться Лысый. – По-моему, не катается уже народ.

– Да вон же следы от покрышек! – Возбужденно затараторил Гриня. – Тут, если хочешь знать, даже трактора перегоняют.

– Трактора, говоришь? – Мятый сунул Грине под нос расцветченную холмами и буераками миллиметровку. – А ну, стой!

Джип кашлянул мотором и смолк.

– Видишь, где пруды? Видишь? А вот, куда нам нужно было выбираться!

– Порожняк гонишь, Гриня? – лениво осведомился Лысый, и водитель почувствовал, как правая рука недавнего партнера по картам змеей скользнула ему под челюсть, пальцами легонько сдавила кадык.

– Лысый, ты чего? – просипел он.

– Я-то ничего, а вот ты, похоже, ослеп малость. Если так, то я тебе помогу.

– А кто в меня бензином плескал? Кто?! – завизжал ошалевший от страха Гриня. Царапая ногтями схватившую его руку, попытался вырваться. – Вы и виноваты, что заехали к черту на кулички!

– Если бы ты, жук навозный, не совался куда не следовало, никто бы тебя не поджигал.

– Хорош базарить! – Мятый прилепнул ладонью по карте. – Терки на потом отложим, а сейчас разво-

рачиваем тачку. Будем возвращаться.

Понимая, что страшное на время отложено, Гриня спешно завел двигатель. Джип дернувшись, стал разворачиваться. Передние колеса тотчас увязли в рыхлом снегу, машину странным образом перекосило. Лед не трещал и не расходился, тем не менее они проваливались. В том и коварство весеннего льда, что он утягивает свою жертву беззвучно.

– Дьявол!..

Первым ощутил неладное Лысый, но правильное решение успел принять только Гриня. Напряженные нервы изрядно тому способствовали. Отворив дверь, он рыбкой выпрыгнул наружу. Уже падая, услышал треск сминаемой дверцы и пронзительный крик Мятого. Оглянувшись, увидел, как стремительно погружается в воду махина джипа. Две с половиной тонны, с легкостью преодолев сопротивление воздушного пузыря, уходили на дно озера. С фырканием освободившись от остатков воздуха, кабина скользнула под воду. Громко взбулькнуло, и темную поверхность тотчас затянуло ледяной кашей. Точно и не было минуту назад никаких пассажиров и никакого джипа.

Перебирая руками по льду и жалобно поскуливая, Гриня червяком отползал в сторону. Взор его был прикован к свежей полынье, столь просто проглотившей машину и двух его напарников.

Глава 1

– Записку, значит, отдал?

– Ну да, как договаривались.

– Сколько взяла?

– Пятьдесят баксов.

– Ушлая бабенка! Не забыла бы только передать.

– Если даже забудет, Шмель сам найдет. Он ее лично раздевает перед сеансом. Уважает, паршивец, это дело. И то понятно – старичок, ему прежде разогреться да в раж войти нужно. Так что прочтет записку, никуда не денется. – Дмитрий задумался. – Я другого опасаюсь. Как бы нас в клещи не зажали. С одной стороны – ряженые, с другой – охрана.

Тимофей сумрачно кивнул.

– И никому при этом ничего не объяснишь.

– Ладно, давайте, ребятки, еще раз пробежимся по плану. – Дмитрий включил фонарь, осветил разложенную на сиденье схему здания. Стас, сидящий позади, заглянул ему через плечо.

– Ого, даже лифт свой имеется!

– Это особый лифт – грузовой. Ванны-джакузи поднимать, рояли всякие. Да и Шмель на сердчишко давно жалуется – потому и завел такую роскошь. Из дома попадает напрямик в гараж.

– Круто!

– А ты как думал! Это только мы, дураки, по ступеням шлепать горазды. Правильные пацаны ноженьки берегут – по улицам на «мерсаках» шпарят, в зданиях – исключительно на лифтах. – Тимофей, в официальной жизни – майор ФАПСИ, в подпольной – рядовой член их маленького отряда, покосился на себя в автомобильное зеркальце, нервно пригладил непокорный рыжеватый чуб.

– Так или иначе, но домик просторный и хорошо охраняемый. Смотрите и мотайте на ус, больше заглядывать в шпаргалку не придется. – Дмитрий ткнул пальцем в кружочки, по краям схемы. – Вот здесь и здесь у них мониторы, секторы обзора – приблизительно сто шестьдесят градусов. На наше счастье, ставил аппаратуру кустарь, мертвых зон – как мокриц в подвале. Как только получаем сигнал от Курлыкинского человечка, сразу начинаем работать.

– А этот твой человечек часом не заснет?

– За него не волнуйся, ты о нашем деле думай. – Дмитрий внушительно оглянулся на Стасика. – А для тебя, баловник особо подчеркиваю: в эфире никаких имен, – только позывные. Гепард, Змей и Волк – надеюсь, не забыли еще?.. В здание проникаем, как договаривались: Стасик с угла, я прямиком через забор. Ну, а ты, майор, держишь двор под прицелом.

– Собак точно не спустят? – поинтересовался Стас.

– Полной гарантии нет, но Шмель не выносит четвероногих. Наслушался лая на зоне. Так что, когда он здесь, собак запирают. На всякий случай баллон с перцем я все же захватил.

Стас похлопал себя по карману.

– Аналогично.

– Что с гостями? – поинтересовался Тимофей. – Не пойдут, часом, нашей дорогой?

– Гости уже внутри. В том-то и закавыка, что начать они могут в любой момент. Главное, чтобы сработала записка.

Стас фыркнул.

– Не понимаю я этих ребусов, Гепард! Почему бы не сообщить ему обо всем напрямую? К чему городить огород?

Дмитрий кисло улыбнулся, припомнив, что нечто подобное днем раньше спрашивал и он.

– Салапет ты, Стасик. – Он вздохнул. – Не понимаешь большой стратегии. Мы не мстители с большой дороги, мы – негласные представители закона.

– Вот именно, что негласные! – загорячился Стас. – Без того на работе зажимают в струбины – то нельзя, это. Вон Тимофей знает, как с нас спросят за самостоятельность.

– Да на костре сожгут.

– Ага, а прежде живьем распнут и вопросов мешок хороший на голову ссыплют.

– Чего ж вы со мной поперлись?

– Ладно, не дави на диафрагму. Без того тошно.

А я так считаю: с этой шпаной валандаться нечего! Не терпится им мочкануть друг дружку – хрен вам в помощь! Но коли уж вмешиваемся, почему не поступить проще? Взять да позвонить по обычному телефону?

– Во-первых, по телефону, он не поверит, – объяснил Дмитрий. – Бай – главный советник во всех его делах и пашет на Шмеля уже лет десять. В их среде это срок солидный. А во-вторых, они ведь тоже конспираторы. Вся связь идет через первого помощника, а первый помощник у Шмеля кто?.. То-то и оно. Все тот же Бай. Поэтому и вынуждены прибегать к запискам. Одну он получил вчера, вторую получит сегодня. В любом случае Шмель должен понять, что все всерьез и это не шутки пьяного мишутки... Мы вмешиваемся только на последнем этапе.

– А если не успеем?

– Не успеем, значит, не успеем! – отрубил Тимофей. Ему ночная операция тоже не слишком нравилась. – Не велика печаль, если кончат воровайку.

Дмитрий осуждающе покачал головой.

– Неважный настрой, сеньор-майор.

– Какой уж есть! – Тимофей вздохнул. – Скверный запашок, Дима. И осведомленность эта, честно скажу, подозрительна. – Он кивнул на схему. – Может, ты в курсе, откуда у Рассохина все эти бумажки? И время до минут известно, и фамилии все до одной.

– Вот и займешься этим, когда закончим.

– Почему – я?

– Потому что ты офицер ФАПСИ и справишься с этим проще простого.

– Во-первых, я в краткосрочном отпуске, а, во-вторых, даже если справлюсь, толку от такой информации уже не будет. Мы-то головами сейчас рискуем!

– Помнится, раньше тебя подобные мелочи не интересовали.

– Раньше я молодой был, глупый. К тому же без семьи, без сына. А сегодня грохнут не за понюх табаку, и кто моей Аньке зарплату носить будет?

– Типун тебе на язык! – Дмитрий хлопнул товарища по литому плечу. – Хватит ныть. В первый раз, что ли?

– В том-то и дело, что не в первый, – Тимофей придвинул к себе схему. – Ладно, Гепард. Показывай, кто там у нас на этажах дежурит? Мне же этих цуциков снимать.

– Давай посчитаем...

– Не заснули еще?

– Как можно, ангел мой. С такой-то хреновиной в руке. – Шмель кивнул на опустевшую капельницу. – По-моему, пора.

– Не волнуйтесь, сейчас все сделаем.

Томочка заперла за собой дверь, аккуратноными шажочками приблизилась к койке. Стройенькая, невысокая, в укороченном белом халатике. Склонилась над лежащим намеренно низко, умело выдернув из вены иглу, приложила к ранке тампон. С той же величавой неспешностью свернула прозрачные трубки, ваткой отерла краешек запятнанного кровью табурета. Наблюдая за манипуляциями медсестры, Шмель непроизвольно переместил руку, ласково погладил колено медсестры.

– Красивые у тебя ножки, Томочка.

– И только?

– Не только... – рука его скользнула выше, заставив девушку вздрогнуть. Шмель улыбнулся. Главное достоинство Томочки в том и заключалось, что заводилась девочка с полоборота. Ни тебе лишней болтовни, ни предварительной подготовки.

Совершая круговые движения, пальцы Шмеля коснулись краешка трусиков, легонько постучали, словно испрашивая разрешения на вход.

– Штрудня ты моя ласковая! Честное слово, без тебя я бы с тоски тут умер.

– Так уж и умерли... – Прерывисто дыша, она чуть повернула голову, ноги расставила пошире. – Пожалуйста, сожмите руку в локте. Кровь же потечет!

– Пусть течет, у меня ее много, – пальцы Шмеля преодолели сопротивление тугой резинки, продвинулись выше, утонув в мшистом интимном покрове. Томочка продолжала стоять как ни в чем ни бывало. Только глазки накрашенные чуть прикрыла, да за стойку с капельницей ухватилась покрепче.

– Ах, ты моя мягонькая!..

Шмель и сам на секунду зажмурился.

В жизни халявы нет, – это он изведal давно. Хочешь быть богатым, – потрудись, а собираешься заработать авторитет – уме́й наказывать. Прилюдно и без оглядки на закон. Этому он успел научиться. За то и отбарабанил добрую треть жизни за колючей проволокой. В серных и нездоровых лагерях за Сургутом приобрел букет всевозможных болячек, начиная с классического туберкулеза и заканчивая полной потерей зубов. Таким образом – кашель, протезы и ноющие суставы представляли собой обязательное приложение к званию вора. Потому и приходилось время от времени заглядывать в городские клиники, позволять эскулапам просвечивать себя насквозь, слу-

шать и вертеть, как какого-нибудь бесправного студентика. Шмель ненавидел больницы, однако понимал: без очередной порции капельниц и уколов его скрутит в несколько лет. И потому на недельку другую позволял арестовывать себя на собственной даче, разрешая тыкать иглами в вены и ягодицы, литрами усваивая одобренные лекарствами физиологические растворы. В свои сорок девять он уже отлично знал, что такое утро и вечер дряхлого пенсионера. Временами после особенно утомительных дней он начинал чувствовать себя полной развалиной, и лишь по женской части здоровье его пока не подводило.

– Ну что, задержишься? – Он улыбнулся, демонстрируя дорогую зубную керамику.

– Ага, – чуть приоткрыв глаза, Томочка улыбнулась в ответ. У медсестры в отличие от него с зубами наблюдался полный порядок. Правда губки были излишне пухловаты, и помаду девочка любила без меры, зато не просила никаких денег. То есть Шмель мог бы дать, скупостью он никогда не страдал, но как пели незабвенные «Биттлз», любовь – товар неконвертируемый и за денежки не покупается. А потому, прибегая временами к услугам путан, Шмель все-таки больше уважал встречи на добровольной основе, роли «покупателя в супермаркете» предпочитая «мужчину-завоевателя». Да и женщины при таком раскладе вос-

принимались действительно как женщины, а не как одноразовые игрушки. Томочка была именно из таких, – вечно голодная и вечно готовая к соитию. Возможность лишний раз ощутить в себе мощь и движение мужского естества сводила ее с ума, и она даже не думала скрывать это. Оттого и носила на работе несоразмерно короткий халатик, потому и обходилась без колготок. За вызывающий вид ей, разумеется, влетало от начальства, однако до серьезных репрессий дело не доходило. Главврач, по счастью, был мужчиной и к подобным вещам относился снисходительнее своих помощниц. Шмель не без оснований подозревал, что и в больнице Томочка работала исключительно по причине неиссякающего успеха у многочисленных пациентов. Девальвировал рубль, летели вниз акции «Майкрософта», но женские прелести сохраняли свою непреходящую ценность. Кстати сказать, предложи ей Шмель денег, вполне возможно, она бы его просто не поняла.

Рывком поднявшись с кровати, вор небрежно обмотнул бинтом кровоточащую руку, в нетерпении стал расстегивать пуговицы на ее халатике. Эффект был такой же, как если бы он распахнул окно. Шторки разъехались, нагое солнце ударило по глазам. В своих подозрениях Шмель не ошибся. Даже приезжая к нему на дачу, девочка сэкономила время. Под хала-

тиком у нее ничего не оказалось.

– Бросала бы ты свою больницу, а! Будешь жить здесь, как царица! – Шумно дыша, Шмель стиснул медсестричку покрепче, ладонями жадно зашарил по гладкому телу.

– Может, и перееду... – Медсестра обморочно закрыла глаза, потянулась к нему губами. Сейчас она готова была соглашаться с чем угодно.

– Ах, ты мой цыпленочек! – Не снимая с нее халата, Шмель развернул девушку к себе спиной, заставил наклониться. Она не перечила, подчиняясь любому его желанию. Тело едва прикрытое завораживало Шмеля куда больше откровенной наготы. Пальцы его скользили по ткани, тактильно изучали каждую складочку и каждый выступ. Ребрышки, лопатки, холмики грудок... – он чувствовал себя ваятелем, работающим с податливой глиной.

– Хмм... А это что такое?

Из карманчика у нее выпал сложенный вчетверо лист бумаги.

– Это?.. – Она повернула голову, и по чумному ее взору несложно было догадаться, что она с трудом выходит из сомнамбулического состояния. – Это записка. Вам...

– Мне?

Томочка зажмурилась, вспоминая.

– Просили срочно передать. Чтобы никто не видел.

– Что ж ты, дурочка такая, не передала?

– Думала, потом успею...

– Думала она... Потом, девонька моя, всегда только суп с котом... – Шмель нагнулся за листком, неторопливо развернул. Вчера он уже получил одну маляву. И тоже, кстати сказать, передали странным образом – стрелой в окно. Он даже решил поначалу, что это балуются дети. Только вот недетское содержание было у записки. Некто предупреждал, что на Шмеля готовится покушение. Без имен, без дат и других подробностей.

– Что-нибудь важное?

– Как тебе сказать, солнышко... В общем – да. – Вор еще раз перечел записку, недобро прищурился. Текст был до предела лапидарен:

«Тебя заказали. Сегодня после девяти. Исполнители – Ляма и Бай. Схоронись на кухне, запишись изнутри. Тебе помогут.»

– Кто передал записку? – Шмель развернул Томочку к себе лицом, встряхнул за плечи.

– Я... Я не знаю... Когда ехали сюда, нас инспектор остановил.

– Какой, к черту, инспектор?

– Ну, гайман – с жезлом полосатым.

– Точно гайман?

– Желтуха, как у гаишников, и вообще вся форма... Они же все одинаковые! Он и отдал записку. Сказал, чтобы лично вам в руки.

– С жезлом, говоришь? – Шмель скрежетнул зубами. На розыгрыш это не походило. Тем более что чего-то подобного он давно ждал. С тех самых пор, как убили инкассаторов, перевозивших изумруды. Но Бай!.. Человек, заработавший у него целое состояние, знавший все и про все!.. Не-ет, с Баем эти ребята явно промахнулись. Поймать его на такой крючок у них не получится!

– Пошли! – Он потянул Томочку за собой.

– Куда?

– На кудыкину гору, – Шмель поискал глазами, из эмалированной ванночки достал пластмассовый наконечник с иглой. А в следующую секунду оба вздрогнули, услышав стук в дверь.

– Кто? – сипло поинтересовался Шмель.

– Это я, хозяин. Сообщение есть. Срочное.

– Еще одно сообщение? – Шмель глянул на Томочку шальным взором, зло подмигнул. – Кажется, вечерок обещает быть веселым, а?

Медсестра растерянно пожалала плечиками.

– Ладно, птенчик, застегнись. Физиотерапия отменяется.

Глава 2

– Змей, слышишь меня? Я под балконом. – Дмитрий прижал рацию к щеке. – Что у тебя?

Динамик едва слышно прошуршал:

– Порядок, Гепард. Фургон на месте, сестричка еще не возвращалась.

– Что на кухне?

– Его там нет.

– Черт! – Дмитрий покосился на часы. – Ладно, время поджимает, начинаю работать. Бди в оба. Ты – наш единственный тыл.

– Не бойсь, не проморгаю...

Дмитрий спрятал рацию, подтянувшись, выбрался на карниз третьего этажа. Щели между плитами позволяли надежно страховаться. Милое дело – новорусские дачи! Лепнина, узоры – все словно специально для скалолазов сделано. Осторожно перебирая ногами по жестяной прогибающейся тропке, он добрался до первого балкона. Сюда обычно и выходила подымить охрана. Втихаря от хозяина иногда и мочились вниз. Туалеты – туалетами, а русскому человеку плюнуть да сморкнуть всегда интереснее с высоты. Один из охранников покуривал и сегодня. Огонек сигареты размеренно вспыхивал и угасал у дальней

колонны. Дмитрий коснулся мраморной поверхности перил, на время превратившись в ужа, медленно стал переползать на балкон. Человек с сигаретой пошевелился, бросив взгляд в его сторону. Чуть помедлив, вновь отвернулся. Дмитрий мысленно поставил себе пятерку. Так и должно быть. Есть такой природный факт: большинство животных способно обнаруживать только движущиеся объекты. Застынь на месте, слейся с листвой и почвой – и вот тебя уже нет, ты – человек-невидимка из уэлсовского романа. То есть, люди, конечно похитрее животных, однако и их можно запросто обмануть. Если двигаться, скажем, со скоростью часовой стрелки да еще в лесу или в темноте. И получится так, что тебя видят и одновременно не видят. Точнее – видят, но не фиксируют.

Дмитрий подобием осьминога стек на мраморные плиты пола. Голова часового повторно шевельнулась, сигарета погасла. Кашляя, мужчина полез за зажигалкой, Дмитрий метнулся вперед. Ступней ударил по икрам охранника, одновременно перехватил горло. Свободной рукой нашарил чужую кобуру, выхватил пистолет. По весу и наощупь – старый бродяга «ПМ».

– Не дергайся, ежик, задавлю!

Ежик все-таки пару раз дернулся. Мышцы у него оказались тугие, как трехдневной свежести батоны. Церемониться с таким себе дороже. Дмитрий уси-

лил хватку, рукояткой чужого пистолета ткнул в солнечное сплетение. Нечто напоминающее знаменитый удар Фитц-Симмонса. Богатыря согнуло пополам. Попыток вырваться он больше не предпринимал.

– Пасешь Шмеля?

Протестующее движение головы.

– Ох... Охраняем.

– А почему здесь торчишь? Бай приказал?

Послушный кивок.

Не выпуская из рук часового, Дмитрий переместился к двери. За стеклом угадывался просторный зал, сразу за ним в темноту убегала кишка коридора. За столиком у камина сидел еще один громила. Точнее должен был сидеть. Поза и положение стриженной головы – все говорило за то, что приятель охранника дремлет.

– Это что еще за номер? Он что, спит?

Заминка. Впрочем, и без того ясно. Ежика использовали втемную. Рядовой состав ходит под сержантами. Прикажут, уберут и своего ближнего, возможно, даже самого генерала. Дмитрий пальцами левой руки сдавил бычью шею охранника. Сонную артерию тут, конечно, не нащупаешь, но это не столь уж важно. Подобным артериям положено быть у всех. Тело в руках трепыхнулось, из груди охранника вырвался хрип.

– Спокойно, малыш! Пара часов сна никому еще ме-

шала.

Дмитрий уложил усыпленного на плиточный пол, рывком стянул с него кожаную куртку, вывернул на локти. Это на всякий случай, мало ли что. Пистолет «ПМ» сунул за пояс, достал свой родной «Стечкин».

Ну-с... Теперь можно и к нашему общему другу! Пока он не натворил бед...

Дверные петли не издали ни звука. Проникнув в зал, Дмитрий бегло осмотрелся, легкими шажками приблизился к столику. Стриженная голова мирно почивала на согнутом локте. Возле стопки глянцево бьющих по глазам журналов стоял полупустой стакан. То ли компот, то ли коньяк. И наверняка львиная доза какого-нибудь клофелинчика. Дмитрий прищурился. Стало быть, первый акт уже начался. Им следовало поторапливаться.

– Ну? И где твое сообщение? – Шмель цепко вглядывался в посеченное оспинами лицо охранника. Взор Бая скользнул в сторону, однако рука действительно извлекла из кармана бумажный пакет.

– По-моему, Рог прислал. Полчаса назад.

Шмель взял пакет и отвлекся. Трюк старый, но тем не менее сработал. Пока авторитет тарачился на чер-

тов конверт, Бай преспокойно достал пистолет с глушителем, не теряя времени, выстрелил. Приглушенно ойкнув, Томочка сползла на пол. Выронив конверт, Шмель ошеломленно взглянул на охранника. Бай все также спокойно извлек из кобуры еще один ствол.

– Так... Сколько же тебе заплатили, иуда?

– Неважно. Вы столько не заплатите никогда.

– Да тебя же... Тебя потом по стенке размажут!

На углях печь станут!

– Ошибаетесь. – На медвежьем лице Бая промелькнуло некое подобие улыбки. – Все продумано до мелочей. Знаете, в кого пойдет следующая пуля?

– Гнида! – Шмель стиснул челюсти.

– И снова ошиблись. – Бай приставил пистолет к собственному бицепсу, содрогнувшись телом, нажал спуск. Капли крови заляпали близкую стену. Лицо стрелявшего чуть побелело, на лбу выступила испарина.

– Больно, – просипел он, – зато натурально. Эта лахудра шмальнула сначала в вас, потом в меня. Я ее кончил. Если заметили, – из своего собственного ствола. Зато другой останется здесь. Для следаков и прочих мудрил.

– Умен! Ладишь в мои преемники?

– Угадали. Более лучшего кандидата не найдут, и вы сами это отлично знаете.

– Знал, Бай. Так будет вернее. – Шмель чуть переместился – всего на пару сантиметров, но Бай это заметил.

– Не надо, все равно не успеете.

– Может, и не успею, только ты, Бай, не все просчитал. Ой, не все.

– О чем вы гово...

Дверь содрогнулась от удара. Бай сделал попытку обернуться, и Шмель немедленно метнулся вперед. Уж на одно-единственное стремительное движение его должно было хватить. Реакция у Бая оказалась отменной, встречная пуля обожгла ребра, однако остановить атакующего не смогла. Зажатая в кулаке игла достигла цели. Что есть силы Шмель вонзил ее в левый глаз Бая. От жуткого крика заложило уши. Впрочем, крик тут же оборвался. Кто-то дважды выстрелил от двери. Увлекая за собой Шмеля, Бай грузно повалился. Однако упасть вору не дали. Сильные руки подхватили авторитета под локти, помогли сохранить равновесие.

– Все-таки опоздал!

Шмель бегло оглядел ворвавшегося в комнату Дмитрия.

– Ты кто?

– Конь в пальто. Тебе где было велено сидеть? Какого хрена ты его впустил? С бабой поиграться захо-

телось?

Шмель вызверился. Так с ним никто не позволял себе разговаривать.

– Не твое собачье дело!

– Ладно, некогда перепираться. Давай-ка отсюда уходить.

– Это моя дача!

– Может, и твоя, только сейчас тебя на твоей даче придут убивать люди Бая. – Дмитрий выглянул в коридор. – Ну да, вон и бегут уже соколы.

– Кто тебя послал?

– Тот, кто поможет нам выбраться отсюда.

– А меня... Кто меня заказал?

– Не я, это точно! – Дмитрий, не церемонясь, ухватил авторитета за плечо, вытянул за собой в коридор. – Хочешь жить, топай за мной!

Пригнувшись, они метнулись вдоль стены. И тотчас гулко замолотили выстрелы. Пули, рикошетируя, загуляли по коридору, на пол полетела известковая шелуха.

– В сторону! – Дмитрий толкнул Шмеля в стенную нишу близ грузового лифта, вскинув «ПМ» выпустил несколько пуль по бегущим. Одна из фигур, споткнувшись, распласталась на полу. И тут же дружным хором ударили автоматы. Не «Узи» и не стремные «Скорпионы», – наши родные «калаши». Дмитрий ко-

ротко ругнулся. Умереть от оружия советского производства можно было где угодно – и в США, и в Антарктиде, и в родных пенатах.

– Где моя охрана? – прорычал Шмель.

Дмитрий не стал отвечать. Счет шел даже не на секунды, – на мгновения. План был сорван с самого начала. До кухни им не добраться, о балконе нечего и думать. Шмель – старикан крепкий, но вряд ли сумеет аккуратно спуститься с третьего этажа. Да и не позволят им такой роскоши! Гарантированно превратят в решето. А Стасик так и сидит, наверное, на кухне. Ждет их, бедолага, надеется.

Близкая очередь отколола от стены изрядный пласт штукатурки.

– Ты что, один?

Дмитрий мотнул головой. Шмель начинал ему надоедать со своими вопросами. Пальцем раз за разом он помял клавишу лифта. Где же ты родной застрял-то!.. Слух наконец-то уловил рокот раскручивающегося барабана.

– Дай мне оружие!

На просьбу авторитета Дмитрий никак не отреагировал. Вытянув руку, поймал на макушку юркого автоматчика. Выстрел слился с человеческим воплем.

– Все! Теперь нам головы поднять не дадут. – Он выпрямился, стараясь плотнее вжаться в уютную нишу.

Увы, фраза оказалась пророческой. Здание завибрировало от всколыхнувшегося автоматного рева.

– Молись, Шмель! Либо жить нам еще сто лет, либо – две-три секунды... – Не удержавшись, Дмитрий матом обложил ползущий улиткой лифт. В штаны пять раз сходить по нужде успеешь, пока дождешься!

Гулко ударил взрыв. Но не здесь, а там – за спинами наступающих. Дмитрий облегченно выдохнул. Значит, сообразил все-таки Стасик. Рискнул высунуться.

Створки за спиной дрогнули, скрипуче разъехались. Оба ввалились в просторную кабину.

– Вниз, родимая! – Дмитрий ладонью хлопнул по клавишам. Дверцы сомкнулись, все также медленно лифт поплыл вниз.

– А теперь слушай! – Дмитрий говорил отрывисто, чутко прислушиваясь к отдаленному грохоту перестрелки. Стасик свое дело знал, стрелял скупно, но, надо полагать, кучно. Тяжело дышащий авторитет тоже не ерепенился. – Кто тебя заказал, ты и сам догадываешься. Ну, а кто выручил, узнаешь в свое время.

– Заказчик – Краевой, так?

Дмитрий ограничился легким кивком.

– Что ж, спасибочки. Обязательно рассчитаюсь.

– Не говори «гоп». Мы еще не выбрались.

– Много он послал людей?

– Не знаю. Планировалось обойтись без шума. Бай

со своими людьми собирался инсценировать покушение. Но для подстраховки кое-кого пригласили со стороны. Во всяком случае на улице нас могут встретить.

Лифт остановился, и беглецы поспешили выбраться наружу.

– Где мы? – Дмитрий закрутил головой.

– В гараже. – Шмель кивнул на шеренгу лоснящихся в полумраке машин.

– Все на ходу?

– Не знаю, за ключи отвечает шофер...

Дмитрий чертыхнулся. Рукояткой «Стечкина» разбил стекло ближайшей иномарки, разблокировал дверцы.

– Залезай!

– Ворота без пульта все равно не откроются.

– А мы попробуем!

Не церемонясь, Дмитрий взломал панель управления, нашел стянутый кольцами жгут проводов. Подобные фокусы раньше у него получались безупречно, на этот раз мотор завелся лишь после второй искры.

Тяжелый «БМВ» цвета маренго, взвизгнув по крышам, полетел к воротам подземного гаража.

– Держись крепче, старик!

От удара стальная преграда грохочуще прогнулась, однако птичку из западни не выпустила.

– Ничего! Терпение и труд все перетрут! – Дмитрий

мимоходом взглянул на утирающего кровь соседа. – Я же сказал, держись!

Машина вернулась на исходную позицию и вновь драчливым барашком устремилась к воротам. Этот удар оказался решающим. Из кирпичной кладки вырвало металлический косяк со штырями, ворота тяжело накренились, уступая напору машины.

– Вот так, – Дмитрий уловил в боковом зеркальце постороннее движение, вжал педаль газа в пол до упора. «БМВ» танком ринулось назад, заставив стрелка с автоматом откатиться в сторону. Дмитрий забросил руку за спину, не целясь, бегло выпустил из «Стечкина» с полдюжины пуль. А машина уже вновь летела на изуродованные ворота. Скрежещущий удар, и последнее препятствие осталось позади.

Сваренная из прутьев ограда оказалась еще более хлипкой. «БМВ» обрушило забор, не снижая хода. Здесь, безжалостно крутанув руль, Дмитрий развернул машину поперек дороги.

– На выход, маэстро! Меняем лошадок!

Шмель подчинился без звука. Неожиданность поджидала их снаружи. Яркий блик сверкнул в лица, на миг ослепил. Дмитрий бросился на землю, вскидывая «Стечкин», но выстрелов не последовало. Зато со стороны оставленной позади дачи вжикнула слепая пуля. И еще одна чуть ниже, – ребятки потихоньку

пристреливались.

– Гепард, я здесь!

Дмитрий обернул голову. Кричал Змей. Потянув Шмеля за собой, он юркнул в заросли можжевельника. Уже через пару десятков шагов их встретил Тимофей. На лице черная полумаска, в руках снабженная ночной оптикой СВД.

– Как тут у тебя?

– Двоих прижмурил, еще трое у оградки залегли.

– А нас, по-моему, кто-то фотографировал. Не видел тут посторонних?

– Вроде нет... Что с Волком?

– Если шмаляет, значит, жив.

– Ладно, будет вырываться по второму варианту...

Давайте в машину!

Мотор неприметного, упрятанного среди деревьев «Москвича» с готовностью взревел. Машина лихо рванула с места, смяв пару кустов, выкатила на укатанную просеку. Шмель откинулся на сиденье, улыбаясь, пощупал раненный бок. Махровая ткань успела основательно пропитаться кровью.

– Вы не из «Белой стрелы» случайно?

– Не волнуйся, не из нее.

– Спасибо, успокоил. – Шмель на секунду зажмурился, заляпанную кровью ладонь вытер об одежду. – На кого бы вы не работали, ребята, готов платить

вдвое.

Майор даже не оторвал глаз от дороги. Дмитрий взглянул на авторитета с откровенным холодком.

– Ты-то готов, мы не готовы.

– Ну, смотрите. Вам решать...

Недолгая тряска закончилась лихим подъемом, и, нарушая правила, «Москвич» вылетел на шоссе заставив притормозить несущийся грузовик. Справа и слева потянулись неказистые двухэтажные домишки. Выстроенные еще пленными немцами и считавшиеся в далекие шестидесятые вполне приличным жильем, сейчас они навевали откровенную тоску.

Юркнув в узкий проулок, «Москвич» остановился.

– Кажется, оторвались. – Тимофей кивнул за окно. –

Слева окраина Уралмаша, справа дикие джунгли. Куда ни шлепай, все хорошо. Ни одна тварь не найдет.

Дмитрий взглянул на соседа.

– Все, Шмель, на выход. Приехали.

Авторитет нахмурил брови.

– Не понял?

Тимофей, не оборачиваясь, проворчал:

– Мы свое дело сделали. Счастливого пути!

– Я ранен!

Дмитрий протянул руку, услужливо распахнул дверь.

– Насколько я в этом смысле, ранение не слишком

серьезное. Так что весьма сожалею, но мы не «Скорая помощь».

– И не трамвай, – пробурчал Тимофей.

Не произнося ни звука, Шмель выбрался из машины. Дмитрий закрыл дверцу. Чахоточно кашляя, «Москвич» тут же отъехал.

– Ну? Куда теперь? За Стасиком?

– Само собой. Подождем в условленном месте.

– А потом?

– Потом к Диане. Там у меня стрелочка с Рассохиным. Доложу ему обо всем.

– Как скажешь, Гепард... Кстати, все забываю спросить, ты по-прежнему у него в имиджмейкерах?

– Никак завидуешь?

– А что, работка не пыльная. Тем более, что хозяин в гору идет – не сегодня-завтра станет мэром или губернатором.

– Работка непыльная, это точно. В особенности, если судить по сегодняшнему вечеру. – Дмитрий ковырнул пальцем над верхней губой, отклеивая полоску усов.

Тимофей коротко глянул на него, вполголоса фыркнул.

– Да уж, усики тебе не идут.

– Давай, кучер, не отвлекайся! На дорогу гляди.

Заложив вираж и вереща покрывками, «Москвич»

развернулся на дороге, на предельной скорости полетел в обратном направлении.

Глава 3

Пальцем Колянчик попробовал колупнуть в солонке. Ничего из этой затеи у него не вышло. Горлышко оказалось чересчур узким, а палец чересчур толстым. Точь-в-точь – усохшая сосиска. До соли не доставал даже желтый, украшенный черной каймой ноготь, а уж ногти у Колянчика были достойные. Стричь он их не стриг, чаще всего ногти ломались сами. Особо неприятные заусеницы Колянчик стесывал трением о стены, а чаще скусывал зубами. Лежа на раскладушке, Вовчик с вялым любопытством наблюдал за потугами клешнястой руки Коляныча, хотя ничего интересного в этой руке не наблюдалось. Пятерня стареющего работяги с корявыми буквами на фалангах. «Нялок» – если читать справа налево. Буква «о» на указательном пальце, буква «к» на большом, – имя таким образом заканчивалось на безымянном.

Николай как-то рассказывал историю своей юношеской татуировки. В армии насмотрелся на самостийных художников и решил тоже попробовать. Очень уж хотелось быть красивым. Сперва думал написать «Коля» – просто и без лишнего форса, однако когда покончил с «я», запоздало сообразил, что мизинец остался чистым. Гляделось это нелепо, и еще

нелепее казалось ставить на мизинце точку. Так и родилось «Колян». А, родившись, пошло-поехало. Ни Колей, ни Николаем его больше никто не называл. Сам себе разметил судьбу. Иглою, смоченной в спиртовых чернилах.

Вовчик своей судьбой тоже распорядился вполне самостоятельно. То есть выяснилось это относительно недавно, – лет восемь или десять назад он еще усмешливо цедил, что бросит пить, когда захочет. С тех пор времени минуло достаточно, чтобы понять: пить он не бросит. Ни-ко-гда. То есть даже не так следовало формулировать проблему. Не он что-то там выбирал или не выбирал, – все шло само собой, катилось, ехало, переваливалось через кочки и колдобины, и аналогичным образом переваливался с бока на бок он сам на своей неизменной кушетке.

– ..Опять же важно, что там в Думе решат, – продолжал бубнить Коляныч. – Потому как с налогами пора разбираться и Америку на место ставить. Они там спорят, едрена корень, в носу ковыряют... От, блин!.. – Злополучную солонку он все же опрокинул, рассыпав соль по всему столу. – Ну вот! А все из-за этих мозгляков! Чешут, понимаешь, в затылках, треплются день-деньской, а Русь на коленях стоит.

– Соль просыпал, поссоримся, – апатично пробормотал Вовчик.

– Мы с тобой? С чего это?

– Примета такая.

– Я тебе про налоги толкую, а ты мне о приметах каких-то!

– А что – налоги? Тебя-то каким боком они трогают? Много ты их платишь?

– Пока, верно, не трогают, а тронут – поздно будет. У нас один опарыш забегал год или два назад в налоговую, рассказывал потом, что там тринадцать бланков заставляют заполнять.

– Это чтобы им же, значит, и платить? – Поразился Вовчик. – Во дают, шершавые!

– Но! Я и говорю – совсем сбрендили! Главное, едрена корень, – тринадцать бланков! Ты прикинь, сколько бумаги уйдет на один только Екатеринбург.

– А на весь Союз сколько!

– То-то и оно! А они нам талдычат еще об экономии! Свет на столбах с утра до вечера горит, а денег для шахтеров найти не могут.

– В карманах у себя пусть пошарят!

– Но! – Кивком подтвердив согласие, Колян ладонью смел соль в солонку, половину при этом просыпал на колени. – У себя-то в карманах, верно, найдут...

В дверь позвонили.

– Кого еще черт принес?

– Не открывай, – предложил Вовчик. – Все свои тут.

– Ну да! А вдруг с бухалом кто пришел?

– Тогда это... Ты в глазок сперва глянь! – Вовчик повернул голову, провожая спину удаляющегося Коляна. И эту же спину он пронаблюдал пару секунд спустя, когда приятеля вышвырнуло из прихожей, точно пробку из бутылки с подгулявшим шампанским. Кто-то вошел в прихожую, судя по звукам – двое, дверь аккуратно прикрыли.

– Здорово, голь! – Коренастый детина с хвостиком волос на затылке, с крутым лбом и чугунным взглядом сцапал за ворот прижавшегося к стене Коляна, коротким ударом под дых посадил на пол. Второй из гостей, по-нездоровому худой, жилистый, с неприятным костистым лицом, уже направлялся к Вовчику.

– Подъем, котяра! Будем, в натуре, изучать стоицизм. Слышал такое словечко?

Вовчик успел только привстать, как его тут же достали ногой. Получилось больно. Пожалуй, даже больнее, чем у Коляна. А костистый, кажется, не собирался униматься. Пинком опрокинув раскладушку, загнал поскуливающего Вовчика в угол, вынул из-под куртки резиновую дубинку.

– С «демократизатором» знаком? Нет? Сейчас подружитесь. – Он тускло улыбнулся. – Раз цать.

– Чего вы, ребята, за что? У нас же ничего нет!

– Гляди-ка, сообразительный! – Коренастый нако-

нец-то оставил хлюпающего кровью Коляна, в свою очередь приблизился к Вовчику. – Ты ведь у нас хозяин этой халупы, верно? Вот и кумекай, чем можешь с обществом поделиться. Заметь, мы тебе даже не намекаем, сам обязан догадаться и предложить.

– Как предложить? – Голос Вовчика дрожал. Разумеется, он все понял. – За просто так?

– Слышишь? Просто так, говорит! – Жилистый громко гоготнул.

– Зачем же, – коренастый оставался серьезен. Опустившись рядом с Вовчиком на корточки, мускулистой рукой погладил небритую щеку хозяина. – Ты пойми, фраерок, еще лет пять-шесть, и ты эту хату окончательно загадишь. Скажешь, нет?.. Ну вот. Реально загадишь. И кто тогда будет этот хлев после тебя отскребать? Пушкин Александр Васильевич?

– Сергеевич, – заикаясь, поправил Вовчик.

– Видишь, какой ты у нас грамотный! – Коренастый ухмыльнулся. – Тем лучше. Быстрее подпишешься. Дело-то законное. К нам сейчас и нотариус подъедет. Перетрешь с ним – и порядок. Тебе тысчонку на вышивон, другу твоему в зубы. Он ведь тут не прописан, верно?

– Не прописан.

– Вот и нормально, никакой золы. Подпишешь бумажки, и все будут довольны.

– Где же мне потом жить?

– Ты про потом не думай, – коренастый снова погладил собеседника по щеке, и от этого медлительного прикосновения Вовчика передернуло. – Ты про сейчас думай, лады? Мы ведь, если что, окучивать будем, прикидываешь? По полной программе. Пока, значит, не согласишься. А не согласишься, погасим, как свечку.

– Знаешь, как его в народе зовут? – Жилистый кивнул на своего приятеля. – Тайсоном. Слышал, нет?

Вовчик робко качнул головой.

– Ну вот. – Коренастый улыбнулся. – Однофамилец мой за океаном народ дрючит, а я здесь. Так что не играй вольтанутого. Соглашайся, пока мы хорошие.

Гладящая рука хлестко мазнула по щеке. Вовчик затылком ударился о стену, в ужасе закрыл глаза.

– Так как, сява? Договорились, нет?

– А куда он денется! Вполне реальные бабки предлагаем. Пятьсот сейчас, пятьсот после. Он мужик умный – подпишет все, что скажем.

Вовчик набрал полную грудь воздуха. Отчаяние оказалось сильнее страха.

– Ничего я подписывать не буду! – тонко прокричал он. – Не имеете права!..

На этот раз ударили сильнее. Голова наполнилась обморочным гулом, по губам потекло теплое. Его гру-

бо подняли – и даже не подняли, а вздернули. Словно провинившегося школяра. Видимо, для более тесного знакомства с «демократизатором»...

– А если там менты?

– Сомневаюсь. Но даже если так, нам это без разницы. Стасика все равно будем выдергивать. – Дмитрий хмуро поглядел на соседа. – Или есть другие предложения?

– Предложений нет, но приготовься, возможно, придется попотеть.

– Ничего. Чай, не дворец Амина. Справимся.

– Не дворец, это точно... – Тимофей, крикнув, прибавил газу, и, затрепетав от натуги, «Москвич» в два счета превратил череду деревьев справа и слева в мельтешащую чехарду. Импортный движок гудел ровно, а вот жестяной корпус лязгал и громыхал, дребезгом напоминая разбитый колхозный трактор. Впрочем, напоминало это и о другом. Например, о той жаркой ночке, когда на рычащем БМД экипаж добровольцев попытался вырваться из полыхающего кишлака. Надеялись, что уж свою-то машину пехота опознает, и пальба прекратится, но этого не произошло. БМД тут же угодила под шквальный огонь круп-

нокалиберных пулеметов и, каким-то чудом пробежав на искромсанных колесах метров тридцать, вильнула в сторону от дороги и там окончательно завязла.

А случилось то, к чему они не были готовы. Очередная бестолковщина, коих на всех войнах хватает в избытке и о чем старательно умалчивают в боевых сводках. На занятый духами кишлак спустили возглавляемую Тимофеем роту десантников, а позже, желая подстраховаться, подтянули пехоту с полковой артиллерией гаубиц. Самое нелепое крылось в том, что духи, вовремя пронюхав о подходящих частях, садами выскользнули из селения. Поднявшийся в горы десант без труда смял сопротивление оставленного заслона и занял кишлак. Ни об артиллерии, ни о бредущей по пятам пехоте никто ведать не ведал. На всякий случай ошетинились пулеметами, на окраинах выставили блокпосты. Не без оснований ждали возвращения духов, но подошли вовсе не духи, а своя матушка-пехота. Молодые необстрелянные солдатики открыли огонь уже на дальних подступах, собственной пальбой стараясь заглушить страх первой атаки. Само собой, разобрать что-либо в ночной кутерьме было невозможно, и десант ответил пехоте дружными очередями. А чуть позже вдарила по дувалам и садам родная артиллерия. Маленький ад жители кишлака разделили наравне с десантниками. Купол невысокой мече-

ти лопнул огненными брызгами, тут и там отягощенные золотистыми плодами деревья взмывали вверх и опадали, рассыпая сладкий урожай. Почти четверть их роты полегла в первые же минуты артобстрела. В ключья разнесло радиста, осколок в спину получил вечноулыбчивый Стас. Даже в грохоте близких разрывов перебинтовывающий бойца Дмитрий различал, как скрипят его зубы. Засев возле чудом уцелевшей рации, Тимофей изрыгал ругательство за ругательством. Когда выяснилось, что произошла ошибка, огонь наконец-то затих. В воцарившейся тишине было слышно, как голоса над убитыми жители кишлака, как яростно матерятся десантники. Кое-кто уже накручивал на кисть кожаные ремни, однако охота метелить недавнего «противника» пропала тотчас после того, как узнали о потерях с той стороны. Кроме того, приказ у артиллеристов с мотопехотой был вполне ясный. В нем говорилось о крупной отряде душманов и не единым звуком не поминались десантники. Разобравшись в ситуации, майор лично пересчитал оставшихся в живых и, прихватив с собой Дмитрия, помчался в штаб.

Полковника Голикова, измыслившего эту «талантливую» операцию, они разыскали без труда. Оба были распалены до предела и готовы были на все. Часового Дмитрий снял одним легким ударом. Парень даже

понять ничего не успел, обнял автоматик и прикорнул у стеночки. Полковник же оказался пьян и какого-либо сопротивления даже не думал оказывать. Похоже, он и сам успел осознать ужас случившегося и теперь вибрировал в ожидании последствий.

Дмитрий хорошо запомнил ту комнатку с серыми ветхонькими шторами и застывшего возле стола растерянного начальника. Забыв о своих полковничьих погонах, этот скороспелый стратег стоял перед ними бледный, с отдутловатым нездоровым лицом и лепетал что-то о неизбежности несостыковок, о том, что лично позаботится о погибших и что-то еще о своих давних заслугах перед родиной. Пожалуй, попробуй он их приструнить, одернуть, и песенка его была бы спета, но весь их мат-перемат полковник проглотил, как должное, и даже на оплеуху Тимофея, выплеснувшую из его ноздрей пару багровых струек, никак не отреагировал. Человек был в трансе, и разбираться с ним было бессмысленно. Махнув на него рукой, они покинули здание.

Жизнь пошла своим чередом, но, спустя месяц, арестовали того и другого, обвинив в расхищении солдатского довольствия. Полковник Голиков не забыл своего унижения. Тем более, что инцидент с ночным боем замяли, списав все на коварных моджахедов. Сохранивший должность и даже получивший от командова-

ния очередную медальку, штабист вновь осмелел, решив наверстать упущенное. Как-то враз обнаружился ворох подозрительных накладных, а к ним присовокупили свидетельские показания запуганных афганских солдатиков. Пошли допросы-расспросы, и по всему стало ясно, что мстительный Голиков расстарался на совесть. Дело, шитое белыми нитками, стало разваливаться лишь когда погиб главный инициатор обвинения. Полковника Голикова, переезжавшего вместе с колонной бронетехники, снял неизвестный снайпер. С приличной дистанции молотнул точно в голову. На засаду это никак не походило, поскольку больше никто из находившихся в колонне не пострадал. По зеленке ударили из пулеметов, автоматов и пушек. Потом еще битый час прочесывали шипастые заросли, пытаясь обнаружить останки вражеских тел. Вскоре небольшую лужицу крови действительно нашли, однако неизвестный стрелок сумел к тому времени покинуть опасную зону.

Виновного в смерти полковника вычислили вернувшиеся в часть опальные офицеры. Задача оказалась не столь уж сложно. Проверив списки боевого состава, Тимофей с Дмитрием выяснили, что, подлечив свою спину, Стасик успел вернуться в строй. Более того, уже дважды неугомонный десантник уходил в разведрейды. Куда именно и с какой целью, толком

никто не знал. Такая уж привилегия была у батальонных снайперов, а Стасик справедливо считался одним из лучших. В этот же день они навестили его в лазарете. Такое вот неудачное вышло совпадение: Стасик залег туда, получив повторное ранение. Как доложил чудо-лекарь Евгений Николаевич, шальную пулю Стасик словил в последнем из своих рейдов. Услышав это, Тимофей косо переглянулся с Дмитрием, однако от комментариев воздержался. Никакими доказательствами они не располагали, однако все поняли, едва только вошли в палату. Лицо смущенного Стасика выдавало его красноречивее любых слов. Впрочем, расспрашивать бойца они ни о чем не стали, но именно тогда между ними возникло то редкое чувство общности, что не забывается до гробовой доски...

«Москвич» тряхнуло на кочке, и Дмитрия выбросило из воспоминаний, как летучую рыбку из шальных волн. Описав круг, машина замерла на лесной опушке, и одновременно у обоих пассажиров вырвался вздох облегчения. Из-за деревьев, прихрамывая, показалась знакомая фигура. Выскочив из кабины, Дмитрий подбежал к Стасу, отобрав автомат, осторожно подхватил под руку.

– Куда тебя?

– В ногу, Гепард. Везет мне, понимаешь, на эти вещи.

– Ты хоть жгут-то наложил?

– Само собой. Пока вас ждал, еще и перевязаться успел.

– Волчара ты мой! – Приблизившийся Тимофей трепетно обнял Стаса. – Как там все прошло?

– Нормально. Сразу как вы уехали, они тоже в дорогу засобирались. Оставили парочку вертухаев и сдернули.

– А ты?

– А я, как видишь, упрыгал. Они даже толком не преследовали. И то сказать – я не Шмель, на кой им сдался? В общем популяли друг в дружку и разошлись. Мне вот гостинцев в дорогу выдали...

Дмитрий, успевший бегло изучить ранение, коротко кивнул:

– Есть такое дело. Парочка гостинцев – и, похоже, в мякоть. – Подняв голову, успокоил. – Ничего, жгут наложен грамотно, крупные сосуды не задеты. Есть у меня знакомый лепила. Все изладит в лучшем виде. Потерпишь полчасика?

Вопрос был излишним. В буйной своей жизни Стасик терпел и не такое. За то и получил прозвище «Волк». Усадив раненого в машину, они спрятали оружие в тайничок под открывающимся полом, в поисках возможных следов скоренько осмотрели поляну. Вновь взревел двигатель, и, всхрапнув, словно засто-

явшийся конь, «Москвич» понес их к городу.

Буйный вечерок обещал не менее буйное продолжение, но для начала следовало осмотреться и зализать раны. Квартал был не слишком знакомый, но это ровным счетом ничего не значило. Зажимая раненный бок, Шмель добрался до ближайшего ларька и, просунув голову в окошечко, приказным тоном велел звать охрану. Он сознавал, что рискует. Ему могло и не повезти, если заявили бы молодые неопытные бычки. Короля в лицо знает только свита. Однако все обошлось. Пареньки внимательно выслушали Шмеля, изучив татуировку на руке, немедленно организовали машину с сопровождением. Оказавшись в центральном офисе, авторитет тотчас связался с Кисой – одним из своих силовиков, и уже через четверть часа на дачу помчалась вооруженная бригада. Парни Худого тоже не теряли времени даром, засев за офисные телефоны. Вызванивали звеньевых и разведку, предупреждали насчет возможных акций Краевого. Армия Шмеля стремительно превращалась в колючего ежа, готового атаковать и защищаться.

Сам Шмель кое-как принял душ, самостоятельно смазал йодом глубокую, сочащуюся кровью борозду

на боку. Все того же Худого заставил себя перевязать. Пальцы у помощника дрожали, бинты то и дело соскальзывали, скручивались тесемками, никак не желая ложиться ровными лентами. Шмель с сожалением припомнил о застреленной медсестре. Уж Томочка ему бы сейчас сделала все как надо. Пожалуй, только за эту девочку Краевому стоило открутить голову. Впрочем, теперь вор уже не сомневался в том, что скоро это произойдет...

Внезапно грянувший звонок заставил его вздрогнуть. Сюда во внутренние покои офиса доступ имели очень немногие, а уж телефоном пользовались лишь в самых исключительных моментах. Хотя под категорию исключительных сегодняшний вечерок вполне подходил... Медлительным движением вор поднял трубку.

– Шмель?

– Слушаю.

– Тебя, оказывается, не просто вызвонить.

– Кто это?

– Тот, кто помог тебе на даче.

– Я с анонимами не разговариваю.

– Брось, ты же разумный человек. Должен понимать, что разговор с полезными людьми всегда важен.

– Полагаешь, ты полезен для меня?

– Я уже оказал тебе услугу, и могу помочь в следую-

щем шаге.

– Не уверен.

– Это сегодня ты не уверен, а завтра все сам поймешь. Выспишься, отдохнешь, газетки утренние почитаешь – и тут же вспомнишь обо мне. Знаешь, почему?

– Ну?

– Потому что увидишь в газетках себя. Да, да, не удивляйся! Я уже узнал по своим каналам, что сегодняшнюю перестрелку запечатлели на пленку журналисты из «Ведомостей». Недобрая реклама, верно? Уголовные разборки, жертвы – да еще накануне выборов. Но согласись, еще хуже, когда в теленовостях показывают бездыханный труп. – Голос собеседника с пафосом произнес: – Еще один известный авторитет сгорел на производстве! Звучит, а?.. Словом, можешь считать, что родился в рубашке.

– Ты мне угрожаешь?

Трубка донесла воркующий смех.

– Брось, Шмель. Глупо угрожать тому, кого спас от смерти. Я человек практичный, и ты нужен мне. А тот же Краевой как раз не нужен. Такая, представь себе, ситуация. Поэтому на данный момент наши интересы совпадают.

– Чего ты хочешь?

– Вот это уже деловой разговор. Мне нравится по-

добный подход. Так вот, Шмель, слушай меня внимательно. У меня есть для тебя информация – и информация крайне любопытная.

– Я не кумушка, чтобы кормиться сплетнями.

– Это не сплетни, Шмель. Информация касается Бая и кое-кого из его помощничков. Или тебе это неинтересно?

Шмель стиснул пальцами трубку, сипло выдавил из себя:

– Интересно.

– Что ж, тогда я согласен поделиться с тобой. Правда, с одним непременным условием: ты тоже кое-чем мне поможешь.

– Чем именно?

– Об этом позднее, а сейчас мне нужно принципиальное согласие.

Вор прижал трубку к уху плотнее.

– Я тебя слушаю...

Глава 4

Знакомый пепельного цвета «БМВ» дремал на стоянке. Усики антенн делали машину похожей на лакированного таракана. Оправив на себе пиджак, Дмитрий неспешно обогнул ресторанчик, кивнув человеку-шкафчику на ступенях, вошел внутрь. Еще один богатырь «мебельного» телосложения с готовностью шагнул навстречу, детектором помаячил у него перед грудью. Чуткий прибор прозорливо пискнул.

– Разоружайся.

– Ты же знаешь меня, Степа.

– Давай, давай, имиджмейкер хренов.

Дмитрий ухватил запястье охранника, в нужном месте крепенько стиснул. Детектор шмякнулся об пол, следом со стоном опустился и сам Степа – сто двадцать килограммов распухшего от пива и штанг мяса.

– Вежливым надо быть! – Дмитрий удрученно покачал головой. – От людей отрываешься, небожитель.

– С оружием нельзя! – Просипел Степа. – Инструкция!

– Он прав, Дмитрий Игоревич, инструкции для нас – святое.

Дмитрий оглянулся. Разумеется, за спиной стоял Курлыкин. Еще одна личность из местного зверин-

ца, особа приближенная к императору. По сведениям Дмитрия, Курлыкин выполнял функции секретаря, совмещая их с множеством иных неведомых никому обязанностей.

– Держите, бюрократы. – Он нехотя протянул Курлыкину «Стечкин». Поверженного Степу потрепал по стриженной макушке. – Но впредь, ежик, не хами мне, договорились?

– Он сделает должные выводы, обещаю.

Дмитрий неверяще кивнул.

Первым, кого он повстречал за парчовым занавесом, была Диана, хозяйка здешнего ресторанчика. В чем-то темно-серебристом с чешуйками-блестками, как всегда гибкая и подвижная, удивительно похожая на южноамериканскую пуму. Дмитрий невольно скользнул глазами по ее ногам – красивым, как ни поставь, в радужных колготках, в туфельках на высоких каблуках. Пожалуй, срежь эти самые каблочки, и окажется, что ноги у хозяйки ресторана вовсе не длинные, до нынешних «барбиподобных» форм основательно не дотягивающие. Тем не менее, женственной привлекательности в ее точеных мускулистых ножках было во сто крат больше, нежели в тонкокостных конечностях современных моделей. Иначе не повизгивали бы тормозами останавливающиеся близ нее машины, не крутили бы головами случайные счастливики

прохожие.

– Привет! – Диана одарила его белым улыбчивым полумесяцем.

– Здравствуй, – Дмитрий не без усилия оторвал взор от ее ног, не удержавшись, тронул пальцем одну из сережек. – А где кольца? Ты вроде кольца носила.

– Это давно было, Димочка. Ты просто внимание не обращаешь.

– Почему же, я обращаю... – Он повел плечом, руки машинально спрятал в карманы. В компании Дианы он всегда несколько тушевался. И не только в ее ослепительных ножках крылась закавыка. Всякий раз, сталкиваясь с Дианой, он вновь и вновь задумывался о возможности существования биополей. Во всяком случае в самой Диане нечто магическое безусловно присутствовало, поскольку это самое «нечто» он чувствовал спиной, затылком, всем телом. Потому и сложно было стоять перед ней пассивным лопушком. Она провоцировала каждым движением и каждым словом. Блеск ее глаз гипнотизировал, низкий грудной голос вызывал оторопь. А если к этому добавить еще ножки, то смесь получалась вполне гремучей.

– Не знаешь, Рассохин у себя?

– Как обычно, сидит в бильярдной. Шары гоняет, пиво пьет. Уже час как тебя поджидает.

– Один?

– Один... Ты, Димочка, ко мне потом загляни, хорошо?

– Что-нибудь срочное?

– Есть одна проблемка.

– Загляну, – чувствуя облегчение, Дмитрий зашагал по коридору.

– Только обязательно! – Крикнула Диана. И не просто крикнула, а послала вдогон заряд обжигающей словесной дрови. Дмитрий ускорил шаг, без стука распахнул нужную дверь.

– А-а!.. Заходи, заходи, герой! – Рассохин Павел Викторович, большой человек большого региона, советник областного правительства и один из главных кандидатов на пост губернатора, отодвинул от себя стопку газет, грузно качнулся навстречу и распростер руки. – Чувствую, можно тебя поздравить?

– Правильно чувствуете. – Дмитрий позволил себя обнять, хотя не очень понимал этот странный церемониал. Видимо, брежневские поцелуи успели въестся в спинной мозг правящего класса. С определенной степени чиновники начинали усиленно тренировать губы и осваивать теорию объятий. По счастью, Рассохин не целовался, – только обнимал. И пахло от него приятно – пивом и «Орбитом».

– Вы, я вижу, загореть успели!

– Да уж, солнышка вчера было вдосталь, хотя загорать, откровенно говоря, было некогда.

Павел Викторович пальцами изобразил замысловатое, и, подчиняясь этому движению, секретарь Курлыкин возник из полумрака, не задавая вопросов, включил аудиоаппаратуру. Рокочущий орган волной ворвался в помещение, заполнил его тревожными переливами.

– Осторожничаем? – Дмитрий улыбнулся.

– Есть повод. – Павел Викторович извлек из дипломата стеклянную колбочку. – Полюбуйся на эту красоту. Видишь, что внутри?

– Микрофоны?

– Угадал. Аж три штуки. Пока катался с делегациями, да с народом братался, кто-то успел побывать в родном кабинетике. Хорошо, хоть служба охраны не дремлет. Считай, каждый месяц из какого-нибудь угла выдергивают паучков. Потому и вынуждены встречаться здесь.

– Зачем же тогда музыка?

– Береженого Бог бережет. Вряд ли про это место знают посторонние, но лучше перестраховаться.

Он протянул колбочку Дмитрию.

– Взгляни, если интересно. С каждым месяцем все хитрее и миниатюрнее. Прогресс, черт бы его побрал! Вот этот клопик к мембране телефона был прилеп-

лен, этот из торшера выудили, а тот, что по форме гвоздь напоминает, в столе сидел. Питание от фото-элементов, радиус действия – предположительно около семидесяти метров.

– Тогда нетрудно поймать слушачей.

Павел Викторович мотнул головой.

– Чего их ловить, – там они рядышком! Прямо за окнами и сидят. Копают, трудяги, криминал накануне выборов. Парочка хмырей в микроавтобусе да на стоянке легковушка с антенной. Мы уже и хозяев определили, – частное сыскное агентство «Вепрь». А тех наняли через подставных лиц наши разлюбезные конкуренты. Словом, никаких загадок.

– Так их же по бревнышкам можно раскатать, только скажите!

– Зачем? Помнишь, как пел Высоцкий, – «ты их в дверь, они – в окно». Другую найдут лазейку. – Павел Викторович пожал рыхлыми плечами. – Я о другом жалею. Мне эти штучки следовало поместить в какую-нибудь каморку, и магнитофон рядом поставить. У меня же много разных кассет – выступления, встречи, то-се... Отобрал бы самые невинные и гонял бы по кругу. Пусть бы себе слушали да радовались. А так новых игрушек накидают.

– Насчет магнитофона идея действительно неплохая.

– Ладно, успеем еще... А сейчас присаживайся и докладывай.

– Спасибо. Стоя – оно как-то проще.

– А я с твоего позволения присяду, – Рассохин не без зависти оглядел стройную фигуру Дмитрия, мысленно прикинул разницу в возрасте, со вздохом присел в кресло.

– Ну, рассказывай.

– Да что рассказывать. Как планировали, так и сделали. Стасика вот только подранили. Едва выбрался оттуда. Получил две пули в бедро. Само собой, округу малость перебаламутили. Там же кругом дачники. Кто-нибудь наверняка отзвонился.

– Нестрашно. С нашими органами мы все утрясем. Что Шмель?

– Тоже чуток зацепило, но, по-моему, ничего страшного.

– Куда отвезли?

– В Никольском высадили, в тупичке.

– Не могли подбросить до места?

– Время поджимало. Стасик-то нас прикрывать остался.

– Кстати, куда вы его пристроили? – Павел Викторович нахмурился. – Если у вашего Стасика огнестрел, это опасно. Могут заинтересоваться посторонние.

– Не заинтересуются. Больница огромная, – слона спрятать можно.

– Это что же – седьмая центральная, в которой ты сам когда-то лежал?

– Она самая. Шесть этажей, два десятка отделений, несколько тысяч пациентов. Кроме того, у меня там старый приятель. Заведующим работает.

– Вот и отлично! – Из того же дипломата Рассохин достал пачку крупных банкнот, приплюсовал к ним еще небольшую стопочку. – Все, как и договаривались. Плюс надбавка за ранение.

– Спасибо, – Дмитрий, не считая, сунул деньги в карман.

– Ну? Чего такой хмурый? Или не рад, что живой остался?

– Рад-то рад, только скверное чувство, Павел Викторович... Словно в дерьме выпачкался.

– Многих пришлось положить?

– Не в этом дело. – Дмитрий досадливо крикнул. Пройдясь по залу, качнул ладонью висящую на стене картину. – Вы мне уже объясняли, а все равно до конца не пойму.

– Чего ты не поймешь?

– Не пойму, какого черта нужно было его спасти?

– Ты про Шмеля?

– Ну да. Все равно что зверя из волчьей ямы под-

няли и отпустили. Он ведь зверь, Павел Викторович. Махровый и титулованный. Третью города, считай, под ним. Ну, шлепнул бы его Краевой, – эка печаль! Сменил бы один коршун другого стервятника – всего-то делов.

– Димочка ты мой дорогой! Юноша желторотый! – Павел Викторович приблизился сзади, отечески обнял за плечи. – У тебя ведь позывной «гепард», верно?

– Причем тут это?

– А при том, что даже гепарды должны понимать: этот мир можно окольцевать трижды и четырежды, перекопать траншеями вдоль и поперек, но сколько бы ты не бегал и не потел, ты ничего не изменишь. Жизнь никогда не была устойчивой. Атланты, китовьи хребты – все блеф и мишура! Правда такова, что все свои недолгие тысячелетия человечество балансировало на краю пропасти. Это только маразматика твердят, что было, дескать, время, когда молочные реки поили, да кисельные берега кормили. Чуть собачья! Хорошо никогда не было. Ни при Сталине, ни при Черчиле, ни при Цезаре с Петром Первым. Люди всегда балансировали. Между ядом и противоядием, между прорубью и огнем, между плахой и наковальней. Жизнь так устроена, Димочка. Не будет баланса, значит, будет хаос. Ты желаешь хаоса?

– Не уверен, что без Шмеля нам грозит хаос.

– Вот тут ты ошибаешься! Шмель – вор старой формации, Краевой – из молодых. Отцы и дети – вечная тургеневская тема. Первый соблюдает правила игры, второй плевать на них хотел. Первый довольствуется тем, что есть, второй же будет рвать и хапать, пока не подавится. Так и получается: выпалываешь одно, вырастает другое – более цепкое и свирепое. Как в саду на грядках. Но нам, Димочка, подобная селекция ни к чему!

– Так может, выполоть все разом?

Рассохин поморщился.

– Перестань. Если подобное было бы возможно, история давно предоставила бы живые примеры. Ты знаешь такие примеры? Я – нет. Вот и выходит, что мир переделать невозможно.

– Зачем же мы все затевали?

– Для равновесия. – Павел Викторович руками изобразил весы. – Шмель – гирька и Краевой – гирька. Пока они тянут друг дружку в разные стороны, нам хорошо. Хуже, если один из них исчезнет. Опрокинутся весы, понимаешь?

– А если они объединятся? Это вы допускаете?

Рассохин широко улыбнулся.

– Теоретически – допускаю, но только теоретически! Правда, Дима заключается в том, что такие люди никогда не сумеют объединиться. Природа у них

такая. Волчья. Стая держит территорию и никогда не пустит на нее другую стаю. И еще скажу то, чего не говорил раньше... Как ни прискорбно, Дима, но Краевой нам тоже нужен.

Брови Дмитрия взметнулись вверх.

– Этот отморозок? Нам?!

– Увы. Под этим отморозком порядочный кусок свердловской железной дороги. Нужные связи и нужные люди. На этом он, считай, и поднялся. – Павел Викторович вздохнул. – А перевозить что-либо по автодорогам сейчас дело гиблое и ненадежное. Кругом теракты, милиция взвинченная ходит, на дорогах тройные заслоны выставляет. Пустим, к примеру, парочку фур, и уже до Самары их сорок раз засветят, проверят и подчистят. Мы же не мелочевку возим, сам понимаешь, под сиденье большую и серьезную вещь не спрячешь. А на взятки дорожным постам просто никаких денег не хватит. Словом, этот человек способен оказать нам серьезную услугу – и он нам ее окажет.

– Странная логика. Зачем же мы помогали Шмелю?

– Затем, Димочка, что Шмель станет теперь его головной болью. Сам понимаешь – долг платежом красен, а мы этих башибузуков разведем. Культурненько и без кровопролития. За это – и тот, и другой кое-чем нас отблагодарят.

– Скользящая дорожка.

– А в политике все скользко, Дима. Скользко до отращения. Потому и не хочется посвящать тебя во все детали.

– Возможно, вы правы.

– Прав, Дима, к сожалению, прав. – Павел Викторович поерошил темный ежик волос на затылке. – Я ведь тоже был когда-то романтиком и верил в добро. Собственно, я и сейчас в него верю, но при этом твердо знаю: добро обязано быть с кулаками. Без кулаков его просто разотрут в порошок. А уж новое тысячелетие готовит такие сюрпризы, что о романтике человечество вовсе позабудет.

– Что вы имеете в виду?

– Я, Дима, имею в виду суть человеческую. Люди – они ведь как были животными, так ими и остались. Маньяки, террористы, безумные толпы – все это тоже было всегда. Но!.. – Павел Викторович поднял указательный палец. – В прежние времена не было масс-медиа и не было столь продвинутых шулерских возможностей. Сегодня можно дурить друг друга на уровне воистину космическом. Надо голос подделать? Без проблем. Видео пленочку снять с ожившим трупом? Тоже несложно. Благо есть и программы соответствующие, и аппаратура. Денежки с паспортами уже на любительских принтерах научились шле-

пать, отпечатки пальцев меняют, профиль и фас лепят на любой вкус.

– К чему вы клоните?

– Я к тому клоню, что ты перед операцией пальчики в специальную жидкость обмакнул, усики наклеил – и хрен кто теперь докажет, что ты там присутствовал. Техника, Дима, выросла, а человеческая душа нет. Значит – что?.. Значит, воленс-неволенс придем к тотальной биокодировке. По зрачкам глаз, по ДНК и прочей хренотени. И со спутников будем следить за всеми разом, в любую минуту будем знать кто и что ест, чем запивает и с кем спит.

– Честно говоря, похоже на бред.

– Похоже, но в том-то и дело, что не бред. Помяни мое слово, все случится еще при нашей жизни. И робокобы первые появятся, и первые системы массового слежения. И это будет на порядок эффективнее, чем примитивное стукачество. Европа-то с Америкой тем и живут, что сосед на соседа доносы пишет. Но это уже вчерашний день. Уже завтра людей занесут в компьютерные картотеки, нашьпигуют микрочипами и возьмут под прицелы скрытых камер,

– Кстати, насчет камер... – Дмитрий потер лоб, вспоминая. – Похоже, нас кто-то сдал.

– То есть?

– Возле дачи были посторонние. Я видел вспышку, –

это наверняка фотокамера.

– Так... – Рассохин озабоченно забарабанил пальцами по подлокотникам кресла. – Что они успели снять?

– Шмель наверняка попал в кадр.

– А ты?

– Я тоже, хотя был с усами и в пижаме.

– Понятно, – Павел Викторович поднялся из кресла, нервно прошелся по залу. – Курлыкин! Где ты там, друг ситный?

Из полумглы призраком выплыл секретарь.

– Все слышал?

Курлыкин безмолвно кивнул.

– Разберись и доложи. Это серьезно. – Павел Викторович обернулся к Дмитрию. – Эх, Дима-Димочка! Знал бы ты, как я устал. Все эти перелеты с места на место, беседы с прощельгами и нуворишами. Утром он тебе зад лижет, а вечером промывает косточки с твоим недругом. Один губернатору про тебя кляузничает, второй мэру. И никаких тебе концертов с Митяевым или Никольским, никаких семейных уикэндов на природе. Я, Дима, треть свободного времени провожу среди пассажиров авиарейсов. Засыпаю под гул турбин на высоте десяти-одиннадцати километров – вот и вся моя романтика.

– Смотрите вы молодцом.

– Какое там! При таких условиях дотянуть до сред-

него возраста абхазца – откровенная фантастика. Если даже основатель «Гербалайфа» до пятидесяти не дожил, чего там говорить о нас смертных. В общем, как писал Илья Эренбург, кто-то должен задыхаться, чтобы другие могли дышать. – Хозяин кабинета вновь устроился в кресле, забросив ногу на ногу, изящно качнул лаковой туфлей. – Ладно... Что у нас с товаром?

– Завтра отгружаем. Комплектация, правда, неполная, но что уж есть.

– Сроки, Дима! Сроки поджимают. Самое удачное сейчас время. Все на Кавказ смотрят, про Югославию забыли. Только огонек-то тлеет! Чуть дунь, и вновь разгорится. За год в одном только Косово взорвали около сотни православных храмов. Сербь на улицы выходить боятся, священников, говорят, как баранов режут. И это все при живых натовцах! ЮНЕСКО молчит, совет безопасности воды в рот набрал. Уже и сами понимают, что напортачили, но признать не решаются.

– Думаете, снова все повторится?

– Проще простого, Димочка! Политики – они ведь народ малограмотный, учиться на примерах прошлого не желают. Это только так называется – большая политика, а в действительности – на людей властям глубоко плевать. И та же западная демократия на де-

ле всего лишь закамуфлированная автократия. Ко-
вырни ноготком – и польет гной. Смотри, как Фран-
ция начала крыситься! Просто диву даешься! Такая
вроде страна, – и фильмы замечательные, и писате-
ли умнички, а взяла и арестовала парусник «Седов».
Чисто пиратская акция! И скажи, чем они лучше тех
выродков, что берут в плен заложников? Даже ху-
же – потому что маскируются под цивилизованных.
Сами в гости пригласили, и сами же взяли арестовали!
А на паруснике, между прочим, желторотые курсанти-
ки. Вот и получается, что взяли в залог пацанов. В об-
мен на те же баксы и франки! – Павел Викторович по-
качал головой. – У актрис Сафоновой и Захаровой де-
тишек отняли. И тоже по закону. А на деле – не закон
это, а голимый шовинизм. Если мама русская, а отец
француз, то закон никогда не встанет на сторону ма-
тери, – вот и вся их правда.

– Честно скажу, Франция меня самого огорошила.

– Историю нужно читать, Димочка! Они и рань-
ше подобные фокусы выкидывали. Экспедиционный
русский корпус тоже ведь за них кровушку проливал
в Европе. Еще перед гражданской войной – по прось-
бе французского правительства. Вот Россия и отклик-
нулась, послала пехоту. Только господа французики
в джентльменство играть не собирались, использо-
вали гостей по полной программе – кидали, считай, в са-

мые гиблые места. А когда наши солдатики взорптали, так их окружили и расстреляли из пушек. Без затей и лишних разговоров. Чуть ли не пятьдесят тысяч! – Павел Викторович раздраженно махнул рукой. – Что Франция! У них, Дима, у всех бардак. В Ирландии католики протестантов по сию пору мочат. Израильтяне с ливанцами не могут договориться. Или операция «Лиса в пустыне»... Помнишь, когда оно все началось? Как раз за день до импичмента американского красавчика. Люди уже забывают, а ведь так оно все и было. Любой возможностью пользовались, чтобы отвлечь внимание от президентских амуров. Вот и врезали по Ираку. Наобум и наспех, без достаточно веских причин. А там дошла очередь до Югославии. Спасибо подружке Монике! Вдоволь нацедила крошечки человеческой.

– С женщинами многим не везет, – философски заметил Дмитрий. – Наши генералы с прокурорами тоже на них спотыкаются.

– Спотыкаются – да, но войн не затевают! А вот у этих псевдодемократов духу не хватает подать в отставку. Вспомни, как Штаты слезками обливались, глядячи на судебный процесс. Следы на платишке Левинской чуть ли не в лупу разглядывали. Дескать, не случайная сопля, а семя нашего первого! – Рассохин фыркнул. – Ну, скажи, что не цирк!

– Цирк. – Согласился Дмитрий. – Если желаете, можно даже выступление на эту тему подготовить. По всем местным телеканалам. Ход – беспроектный. Уверен, электорату понравится ваш пыл.

– Брось!.. Нынче все в дружбу играют. В усмерть бьются за иностранные инвестиции. И «Седова» проглотят, и Косовский беспредел, и еще дюжину зуботычин, – только бы не злить заокеанских спонсоров. Вот и я буду помалкивать. Пусть тошно и противно, а промолчу.

– Противно – это да. – Дмитрий рассеянно потер лоб. – Так что там все-таки с каналом?

– Все будет тип-топ, не волнуйся. К моменту погрузки – и бумаги нужные организуем, и приемосдаточную комиссию. Пломбу нарисуем такую, что ни одна тварь к вагонам не приблизится.

– И это все...

– Да, да, Дима! Помощь того самого человечка, о котором мы тут говорили. Сам видишь, как все запутано.

– Неужели нельзя было подключить силовиков?

– Признаюсь честно, нет у меня там надежной поддержки. Да и не умеют они хранить тайн. Ты последи за военными сводками! Сначала спецоперации придумывают, потом гордо объявляют о них по телевидению, а уж после претворяют в жизнь. И прости меня, кинуть наши полковники с генералами могут проще

простого. Случись что в дороге, тому же Краевому мы без труда заткнем рот, а вот спецслужба будет блюсти честь мундира до конца. И сдаст со всеми нашими потрохами, выставив крайними и виноватыми. Нет, Дима, из двух зол всегда выбирают меньшее...

Едва слышно пискнул сотовый телефон, из полумрака вновь возник Курлыкин.

– Вызывают, Павел Викторович. Если не забыли – у вас сегодня встреча. В «Промнефтегазе». А потом собрание с избирателями.

– Да, да. Помню, черт их дери... – Рассохин поднялся из кресла, хмуро протянул Дмитрию руку. – Ладно, Дима, бывай. Лечи Стасика, за погрузкой вагонов лично проследи. Нужные люди будут на месте.

– Я так понимаю, с проплатой все решено?

Павел Викторович поднес палец к губам.

– Почти. Но об этом не должна знать ни одна живая душа. Ты понял?

Дмитрий кивнул.

– Кстати, от Киры тебе привет. Сегодня передавала.

– От Киры? – Дмитрий просветлел лицом.

– Ну да, соскучилась девочка. Такие вот дела... –

Павел Викторович рассеянно принял из рук приблизившегося Курлыкина дипломат. – А за сделанное, Дим, спасибо.

Зеркало откровенно не радовало. Землистое лицо Шмеля на этот раз было бледным. А уж в сравнении с румянцем обрабатывающего рану медбрата казалось вовсе неживым. К услугам последнего все-таки пришлось прибегнуть. Кровь никак не желала униматься, и, забрав работу Худого, оперативно нашли знакомого лепилу.

– Скоро там?

– Последние штришки, потерпите...

Шмель, морщась, вновь посмотрел на себя в зеркало. Костистый, сутулый, седой, – взглянуть издалека – старик стариком. Так его, правда, никто еще не осмеливался называть. Никто, если не считать того огольца, что выдернул его из-под стволов Баевских прихвостней. Пожалуй, иметь подобного стрелка не отказался бы и самый крутой пахан. Только попробуй купи такого! Настоящий бой – не выстрел исподтишка – с крыши или в подъезде. Киллеров сейчас – как грязи, а вот нормальных бойцов днем с огнем не сыщешь...

– Вот и все. Двигайтесь осторожнее, спать желательно на спине. Завтра или послезавтра повязку сменим.

– Заплати ему, – Шмель кивнул Худому на лекаря, сумрачно добавил: – И скоренько сюда Ляму с Сивым!

Чтобы не смущать братков тощим перебинтованным торсом, вор набросил на себя махровый халат. Из столешницы достал шило, спрятал в рукаве. Проверя крепость повязки, прошелся по кабинету. Кажется, лепила постарался на совесть. Дышать стало, конечно, трудновато, зато можно не тревожиться за бок.

Постучали в дверь, вор обернулся. Вошедшим кивнул на стулья, сам садиться не стал. Подойдя к сейфу, достал пару перетянутых бечевками пакетов, швырнул на стол.

– Вот, голубки, нашли полчаса назад в вашем офисе. В шкафчике у Сивого. А несколько часов назад меня пытались пришить. Что скажете?

Сивый, часто моргая, сполз со стула, на коленях шагнул к хозяину.

– Шмель, гадом буду! Не знал ничего про Бая!

– Да ну?.. А должен был знать, как думаешь? – Вор неторопливо прошелся по кабинету.

– Должен, – голова Сивого покаянно упала на грудь.

– Так... Ну, а ты чего молчишь, умник?

Ляма гулко прокашлялся.

– Чиститься надо, Шмель. С Баем еще Кочет был...

– Кочета усыпили.

– Это он так лепечет. Сдается мне, надо его тряхнуть покрепче.

– А что скажешь насчет Сивого?

– Насчет Сивого? – Ляма замялся. – Вообще-то охраной заведовал он. Опять же Баю когда-то рекомендацию давал...

– Шмель, да разве я смог бы!.. Чтобы за эту драную зелень продать!..

Резким ударом вор поддел стоящего на коленях. Носок туфли угодил точнехонько под правое нижнее ребро. Задохнувшись от боли, Сивый эмбрионом скрутился на ковре.

– Это урок, Сивый. Добрый урок.

– Кончить надо падлу, – предложил Ляма.

– Согласен... – Шмель сделал шагок в сторону. – Сивый! Я тебе говорю! Подними голову.

Лежащий судорожно дернулся, кое-как поднял лицо. По щекам его текли слезы, губы кривились.

– Шмель, верь мне, я не продавал...

– Возможно. – Вор спокойно кивнул. Взяв стоящий на столе стакан, протянул Сивому.

– На, пей.

– Это что?

– Вода.

– Из-под крана?

– Из-под бульдозера. Не ерепенься, пей. По себе знаю – легче станет.

Пока, клацая зубами, Сивый глотал из стакана воду,

Шмель задумчиво проговорил:

– Понимаешь, голубок, одних я вижу сразу и насквозь, с другими заминка происходит. Кто-то пальцы гнет, за шторы прячется, кто-то ловчит и налево работает. Люди, Сивый, как инжир. Пока кожурку не снимешь, мякоти не попробуешь... Я не просто так тебе это толкую, я хочу, чтобы ты все видел.

Шило перевернулось в ладони жалом вниз, рука ракетой взмыла вверх, описав стремительную дугу, подбило подбородок Лямы. Отточенный металл проломил кость, подобием гвоздя прибил нижнюю челюсть к верхней. Смерть наступила мгновенно. Ляма дернулся пару раз и обмяк.

– Вот так, Сивый, смотри и запоминай. – Шмель выдернул шило. Тело Лямы тяжело завалилось на пол. Вор брезгливо вытер руку о платок, устало опустился в кресло. – Догадываешься, кто под нас копал? Я не об этих сяках, я – о главном противнике.

– Краевой?

Шмель кивнул.

– Судя по всему, давно копал. Машина с изумрудами, взрыв в подъезде, Бай с Лямой – все его рук дело.

– Но я же ничего такого...

– Ты, голубь мой, пассивность проявил. Блох вычесывать перестал, а это тоже вина немалая. Кстати, денежки нашли действительно у тебя. Их туда

Ляма подбросил. Когда услышал про шмон. Задача проще пареной репы. Ты ведь про шмон тоже знал, но ничего не предпринял. Стало быть, баксики не твои. И еще... – Шмель указал крючковатым пальцем на труп. – Немедленно займись Робинот. Я хочу, чтобы его зарыли вместе с этим педрилой. Перед смертью поговори с мальчиком душевно. Может, еще что интересного расскажет.

– Значит, Робин тоже?

– Тоже, Сивый, тоже. Сам видишь, до какой вшивости дожили. Короче... С сегодняшнего дня переходим на особый режим. Проверяешь всех и каждого, кто общался с нашими друзьями. А для начала собирай ребят и дуй на дачу. Надо прибрать трупы, замывать следы, дырки от пуль замазать. Киса этим уже занялся, но ты его поторопишь. Слушок есть, что вся эта пальба может уже завтра оказаться на страницах газет. Так что домик к утру должен быть выскоблен начисто. Забор восстановить, ворота подправить... В общем на месте осмотришься, сообразишь.

Часто кивая и по-прежнему держась за живот, Сивый неуверенно поднялся.

– И еще... Бай работал на Краевого, – не худо бы и нам обзавестись своим стукачком. Понимаешь, о чем я?

– Попробовать кого-нибудь вербануть?

– Ага. И подбери такого бычка, чтобы не промахнуться. Обо всем, что узнаешь от него, сообщай мне лично.

– А может, это... Не тянуть фазана? Мы же знаем все их точки. Собрать пацанов и хором прижать всю эту шушеру.

– Не егози, Сивый. Тут игра идет. Тонкая игра! Чья – сам пока не знаю... – Шмель задумчиво ущипнул себя за лохматую бровь. – Но узнаем. Придет срок – все узнаем.

– Надо бы это... Припугнуть этих козлов. Вконец же заборзеют! И братки не поймут.

– Припугнем, не вибрируй. Придумаем какое-нибудь динамо... А браткам, как покончишь с Робинотом, готовь малявы. Всем областным законникам. Пусть знают про беспредел. И чтобы уже завтра за всеми помогалами Краевого установить наблюдение! Связь держать через Худого. О том, где я, никому ни звука.

– Понял.

– Тогда действуй. – Шмель шевельнул кистью. Сивый попятился из комнаты.

Глава 5

– Молодец, что зашел! – руки Дианы обвили его шею, грудь тугим пуфиком придавила к стене.

– Спокойно, девушка, что это с вами? – Дмитрий осторожно высвободился из объятий.

– У меня беда, Дима.

– Что стряслось?

– На Вовчика наехали.

– Какого Вовчика?

– Да дядька мой.

– Это которому мы кодирование устраивали?

– Ну да.

– Что с ним опять стряслось? В вытрезвитель угодил?

– Какое там! Его на квартиру поставили. Сейчас бьют, заставляют подписать дарственную.

Дмитрий пристально взглянул на хозяйку ресторанички. Диана не шутила. Более того – по голосу угадывалось, что она едва сохраняет выдержку.

– Дим, сделай что-нибудь! Только на тебя и надеюсь.

Чертыхнувшись, Дмитрий потер ссадину, оставшуюся на руке после сегодняшнего загородного «пикника». Чуть подумав, спросил:

– Кто?

– Откуда я знаю. Какие-то урки. Несколько человек. Наши там как обычно бражничали, а эти ворвались и давай лютовать.

– А ты об этом откуда узнала?

– Колюня, что у Вовчика ночует, выбрал момент и в окно сиганул. В общем убежал. Говорит, когда прыгал, три ребра сломал и зуб вышиб.

– А милиция?

– Что милиция? Так туда Колюня и сунется! Он же всех на свете теперь боится. Мне и то не сразу решился позвонить.

– Да уж, отважный человек!

– Он сказал, что у Валеры какого-то затаился. Будто бы пытались и его искать.

– Врет, наверное.

– Может, и врет. Чаю не выпьешь? Апельсины есть, яблоки с бананами.

– От апельсина, пожалуй, не откажусь.

Ведомый Дианой, Дмитрий проследовал в маленький кухонный закуток. Ополоснув руки, вынул из вазы парочку крупных апельсинов.

– Голодный, как волк.

– Может, нормальный ужин организовать?

– Не надо, – Дмитрий сосредоточенно принялся чистить фрукты. Полежав в тепле, апельсины успели

разомлеть, чистились легко – чуть ли не сами выпрыгивали из кожуры. На розовых боках проступали капельки сока. Машинально слизнув одну из них, Дмитрий сердито засопел. Как просто, оказывается, испортить удовольствие! Уже ни апельсинов, ни чая с коньяком, ничего на свете не хотелось. Все из-за какого-то шалопута и алканавта, которого и кодировать уже трижды пытались, и на работы раз сорок устраивали. Увы, на работах больше недели Вовчик не задерживался, а кодирование, даже самое жесткое, через месяц-другой благополучно преодолевал. Жил тем, что сдавал приятелям угол, да от родных что-нибудь перепадало. Так и прозябал. И ведь был бы ослом каким – не жалко. Так нет! Добрый мужик, неглупый, любитель приврать и поваляться на кушетке, а в редкие трезвые периоды мог и серьезно помочь по хозяйству. Такая, понимаешь, бодяга: и добрый, и не дурак, а вот распорядилась судьба-злодейка – и стал пропащим.

Дмитрий протянул Диане апельсин, хмуро разломил свой собственный.

– А почему Рассохину не рассказала?

Диана замялась.

– Не знаю... Побаиваюсь я его. Да и кому нужны чужие проблемы?

– Странно ты рассуждаешь. Работаешь у него, а жа-

луешься мне.

– Ты ведь тоже у него работаешь. И потом ты – друг.

– Друг... А где твоя собственная охрана?

Диана скрестила на груди руки, сухо улыбнулась.

– Вся моя охрана – три человек. Один на больничном, другой в отпуске, третий только и может что у порога торчать и баском отпугивать. Обычные вышибалы. А там, если Колюня не выдумывает, ребята серьезные. Если вовремя не вмешаться, и квартиру отберут, и ребра намнут.

Она все-таки не выдержала – шмыгнула носом. Глаза у нее повлажнели, по бархатной щеке скатилась первая слезинка. Дмитрий вздохнул.

– Не кручинься, никто у него ничего не отберет.

Сунув в рот нежную дольку, он стиснул зубы. Снова подумал, что любое счастье недолговечно, а вот беды и суетная кутерьма могут тянуться всю жизнь. Спешно дожевывая апельсин, отряхнул руки. Как там ни рассуждай, а что-то действительно следовало предпринять. Вовчик хоть и шалопут, а жалко. Выкинут на самом деле из квартиры, – и чеши потом затылок.

– Дима! Ты что-нибудь сделаешь?

Диана, красивая даже с заплаканными глазами, глядела на него с надеждой. Дмитрий, улыбнувшись, погладил ее по щеке, и она тут же попыталась прильнуть к ладони.

– Но, но! Без вольностей.

– Я могу надеяться?

– Надеяться могут все. – Дмитрий платком вытер губы. – Да не волнуйся ты так! Не те времена, чтобы хоромы просто так отбирали.

– Ага, – она с готовностью кивнула.

– Ключики есть? Я о квартире?

– Да, сейчас, – она метнулась к лежащей на столе сумочке, достала оттуда связку ключей. Дмитрий подбросил их на ладони, не разглядывая, переправил в карман.

– Ну вот, прямо сейчас и отправлюсь. – Он подмигнул хозяйке ресторана.

– Что, один? – Диана испуганно прижала руки к груди.

– На разведку, Дин, только на разведку. – Он снова не без удовольствия провел ладонью по ее щеке. – Не переживай, проблемы на то и проблемы, чтобы их решать.

Баня, пиво, девочки – все ожидало их впереди. Право на отдых следовало еще заработать, и Краевой разминался в спортивном зале, швыряя по кожаному мешку удар за ударом, раздраженно выслушивая за-

мечания Радика, своего главного телохранителя и инструктора. Если на теннисный корт и в бассейн он ходил, не скрываясь, то эти свои тренировки маскировал по мере сил и возможностей. Плох тот босс, что не может собственноручно отправить противника на пол. Век «белых жилеток» еще не настал, и крепость кулака в иных сферах по-прежнему котировалась весьма высоко.

– Плечо ломит! – Пожаловался он.

– И дальше будет ломить, – пообещал инструктор. – Может, даже не один месяц.

– Мне что же, терпеть?

– Если хотите научиться бить, придется.

Краевой с нарочитым спокойствием посмотрел себе под ноги, с криканьем ударил левым боковым. Это превратилось в своего рода бзик – поймать инструктора на крюк, нокаутировать хотя бы один-единственный разок. Увы, обладателя черного пояса, бывшего двукратного участника подпольных уральских кумитэ и нынешнего телохранителя трудно было застать врасплох. Вот и сейчас инструктор легко уклонился, коленом изобразил ответную контратаку в пах, правой рукой цепко поймал предплечье шефа, левой показал «удар» по горлу. Все это практически одновременно в какие-нибудь полсекунды.

– Если хотите научиться бить, – как ни в чем не бы-

вало продолжил он, – придется потерпеть.

– Ладно... – Проворчал посрамленный ученик. – Что там у нас еще на сегодня?

– Шесть подходов к штанге, грудной тренажер и прыжки с места.

– Ох, угробишь ты меня!

– Напротив, сделаю человеком.

– Ну, ты наглец! – Краевой дружелюбно ткнул инструктора в бок. – Ладно, командуй, полководец!..

Но покомандовать «полководцу» не пришлось. Распахнулась дверь, и бритоголовый Леньчик жестом изобразил, что он не виноват, что ни в коем случае не хотел мешать, однако есть дело – и дело крайне неотложное.

– Говори, – разрешил Краевой. – Новости от Бая?

– Пока нет. Я посылал узнать, но пока ничего.

– Тогда какого хрена ты сюда заявился?

– Гриню поймали! – Выпалил Леньчик.

– Какого Гриню?

– Да водилу нашего. Помните, с Мятым еще на дело отправлялся? Мы их по всей области потом искали, так никого и не нашли.

– Так, так! – Краевой стянул с рук перчатки, отшвырнул в сторону, на шею набросил махровое полотенце. – Там ведь в группе, кажется, Лысый был?

Леньчик утвердительно кивнул.

– Мятый, Гриня и Лысый.

– А водила, значит, попался. Интересное кино!...

Где изловили этого козлика?

– Шунт его возле «Космоса» случайно срисовал. Само собой, на хвост сел, проводил до дома. Тот, оказывается, и не думал прятаться. К предкам, пузырек такой, вернулся. Ну, Шунт, понятно, бригадиру сразу отзвонился. Мослатый велел брать.

– Ну и?

– Тут он, – Ленчик широко улыбнулся. – Доставили прямиком к вам.

– Что ж, веди...

Минутой позже в зал втокнули Гриню. Едва увидев Краевого, водитель содрогнулся всем телом, правую руку клятвенно прижал к груди.

– Нет моей вины, босс! Чем хотите, клянусь!

– Где товар?

– Не брал! Честное-пречестное...

– А кто брал? Мятый с Лысым?

Голова Грини затряслась, на глазах показались слезы.

– Никто не брал.

– Так... – Утирая полотенцем лоснящееся от пота лицо, Краевой скользящим шагом приблизился к водителю. – Да ты никак перепугался, Гриня? С чего бы это?

– Вы должны мне поверить! Я ведь за вас, за братьев – что хотите!..

– Значит, говоришь, никто ничего не брал?

– Ага. – Гриня робко кивнул. – Все сделали, как было велено, а потом уже, когда возвращались...

Удар слева по виску, тот самый, который никогда не проходил в схватках с Радиком, на этот раз угодил точно в цель. Гриня взбрыкнул головой, с грохотом опрокинулся на пол.

– Ведро с водой! И веревки!

Радик показал боссу большой палец. Краевой ухмыльнулся. Однако воды не понадобилось, Гриня пришел в себя чуть раньше. С трудом перевернулся на бок, взглянув на Краевого, скороговоркой забормотал:

– В озере машина. И Мятый с Лысым там же. Товар у них.

– В озере? – Белесые бровки Краевого скакнули вверх. – Ты что же, грохнул своих напарников?

– Да нет же!.. Тот «УАЗ» мы чисто сделали, дипломат забрали. Все по плану шло, но потом, когда уже возвращались, Мятый показал мне карту и предложил срезать путь.

– Дальше, – Краевой шагнул к Грине. Опасливо поджавшись, водитель залепетал быстрее:

– Сперва все было нормально, а потом мы на озе-

ро выехали, добрались примерно до середины – и лед проломился.

Захлебнувшись собственными словами, Гриня махнул рукой, гулко перевел дух.

– Всем кранты, а я выскочил. Успел, значит.

– Неужто успел?

– Повезло. Щеку вон только ободрал о льдину. Мягкий тоже, наверное, сумел бы, но у него дипломат был на коленях. А чемодан тяжеленный. Вот и застрял.

Гриня импровизировал вовсю, зная, что спасает в эту минуту не что-нибудь, а собственную жизнь.

– Хмм... А что Лысый?

– Лысый сзади сидел. Там двери открыть было невозможно. У джипа сначала корма провалилась, а потом, значит, это... Передок.

– Передок, говоришь?.. – Задумчиво повторил Краевой. Правды в словах Грини он не чувствовал, однако игнорировать их тоже не мог. Слишком хорошо знал, что таил в себе бронированный чемоданчик. А потому поверить в то, что груз не похищен, что все это время он в целостности и сохранности пролежал на дне лесного водоема, было легко и просто. Даже сердечко ворохнулось под ребрами. И улыбка сама собой растянула губы. Воистину легко верить в то, во что хочется верить.

Краевой, прищурившись, взглянул на лежащего.

Все-таки следовало наказать Гриню! Ох, как следовало. С такой новостью – и прятаться по закоулкам!

Намереваясь вонзить мысок туфли под ребро водителя, пахан шагнул ближе.

– Что же ты, удачливый такой, потерялся вдруг? Не пришел, не рассказал, как было дело.

– Так ведь это... Испугался. Думал, не поверите. Хотел, когда теплее будет. Чтобы, значит, съездить, достать и принести потом.

– Ишь ты заботливый! – Краевой скептически фыркнул. Пинать, однако, Гриню не стал. Почесав переносицу, приказал:

– Леня! Отведи Гриню ко мне в кабинет, Мослатого пригласи. Там у меня где-то карта подходящая валялась, – найди. Я переоденусь и подойду.

– Понял!

– И вот еще что, – Краевой вновь огладил Гриню свинцовым взглядом. – Если это все туфта, если товара на месте не окажется...

– Да чтоб мне провалиться, босс! Все так и было! Не скажи Мятый про ту дорогу, привезли бы товар вовремя! Не трогал я ничего, клянусь вам!

– Ой, гляди у меня!

– Да я сам первый в воду полезу! Зубами дипломат достану!

– Ладно, – Краевой кивнул Радику. – Где у нас Тай-

сон? Пригласить бы надо.

– Тайсон позже объявится. – Инструктор ухмыльнулся. – Они там где-то апартаменты приглядели. Коницыну под офис. Вот и поехали пошукать.

Мышью, забравшейся под одежду, запиликал телефон. Краевой приблизился к стулу, на котором висел пиджак, неспешно извлек из кармана сотовик.

– Слушаю...

Присутствующие выжидающе примолкли, даже чуть опустили головы. Лоб Краевого тем временем прочертили недобрые полосы, лицо побагровело. Не глядя, он помахал рукой. Гриню сграбастали за ворот, выволокли из зала.

– Все понял. Позже потолкуем подробнее. – Краевой отключил телефон, некоторое время стоял молча.

– Какие-то непонятки? – Нарушил тишину Радик. – Прокол на даче?

– Хуже... – Краевой обвел всех тяжелым взором. – Шмель упорхнул, Крыса и Бай в морге. Какая-то сука завалила их.

– Охрана?

– Хрен там, а не охрана. Все было схвачено. Кого надо, усыпили, и еще пятеро бойцов на стреме сидели. Но туда кто-то из чужаков проник. наших троих положили и Бая с Крысой.

– Хреново.

– Да уж, теперь Шмель ответит... – Краевой раздраженно швырнул сотовой на стул.

– А кто звонил?

Краевой, набычившись, глянул в глаза Радика.

– Хочешь узнать имя?

Инструктор криво ухмыльнулся.

– Молчу, босс. Не моего ума дело.

– И я так думаю. – Краевой выругался сквозь зубы. – Ладно, давай в душ. На сегодня с занятиями все.

– А девочки? По домам отпускать?

Краевой раздраженно поскреб волосатую грудь.

– Отпускай. Не до девочек сейчас.

Он залезал уже в свою «Ниву», когда его окликнули.

– Дима, привет!

Цокая каблучками, подбежала Кира. Девушка-Воздух и девушка-Ветер. На нее невозможно было смотреть без улыбки. Светлые с пшеничным отливом волосы, высокие скулы, разрез глаз как у молодой Вертинской. Потому и красовалась девушка на обложках аж трех отечественных журналов.

– Сто лет тебя не видел, – Дмитрий чмокнул ее в щеку. – Откуда ты здесь?

– Я-то оттуда, откуда надо, а что ты здесь дела-

ешь? – она потянула носом. – Ага, опять пахнет духами.

– Я душусь.

– Душишься «Шанелью»?

– Не ревнуй. Ты же знаешь, я твой. Целиком и полностью.

– А зачем был у Дианы?

– Я работаю у нее. Консультантом.

– До телохранителя еще не дослужился?

– Брось, Кира, – он поморщился. – У меня без того был жуткий день, а ты еще добиваешь.

Она немедленно надулась, сделалась похожей на обиженного ребенка. Это ей тоже шло. Дмитрий привлек девушку к себе, поцеловал в пахнущие леденцами губы.

– Люблю тебя целовать.

– Правда?

– Святая истинная!

– Тогда перебирайся в мою машину, отправимся на randevu.

– Это куда же?

– К моим друзьям. Ты что, забыл? Мы же собирались ехать на озеро. Сегодня и завтра собираем вещи. Вон какие деньки стоят. Чудо, а не погода! Ребята берут акваланги, палатки, будем нырять, уху варить, песни петь у костра.

– Костер, уха – это хорошо... – Он смущенно при-
молк. – Только понимаешь, сейчас у меня проблемка
одно. Надо разрешить.

– На ночь глядя?

– Ну да, – промычал он. – Так получилось, Кира,
прости. Просили помочь, не мог отказаться.

– ОНА попросила?

– Господи, Кира! Какая разница?

– А мне? Мне отказать можно?

– Кира, пойми, есть обстоятельства и есть опреде-
ленная степень ответственности...

– А завтра тоже будут обстоятельства? – Губы у Ки-
ры задрожали.

– Завтра? – Он понял, что угодил в ловушку. Потому
что на завтра намечался Стасик, намечалось то, о чем
только что толковали с Павлом Викторовичем. – Ну...
Завтра, пожалуй, выкрою время. Часиков около трех.

– Вот спасибо! – По глазам ее стало ясно, что пере-
говоры закончены. Был огонек и погас. Словно опу-
стился некий занавес.

– Видишь ли, Кира, – убито произнес он, – завтра
тоже есть неотложное дельце. Я бы рад все отложить,
да не могу.

– Что ж, тогда желаю удачи!

– Постой, Кира!

Но она уже удалялась от него – не оглядываясь, сер-

дито вздернув остренькие плечи. Дмитрий шагнул было следом, но остановился.

– Что за денек сегодня! – Плюхнувшись на сиденье, он в сердцах ударил по оплетенному кожей рулю. Исподлобья пронаблюдал, как Кира, добежав до своего «Вольво» сходу завела мотор, с места в карьер рванула по проспекту. Молодая, горячая, глупая... Правильно говорил Тимофей, таких годами воспитывают. И до полного слияния им еще ссориться и ссориться. Он хмуро потер лоб. Да и получится ли оно – слияние?

Глава 6

Дима Протасов имиджмейкером значился лишь по служебной ведомости. Бывшие капитаны мало что смыслят в галстуках и лаковых туфлях. Зато в качестве ликвидатора проблем он был незаменим. Беда Гепарда в том и заключалась, что он не искал проблем, – они сами его находили, и сегодняшние сутки были ярким тому подтверждением. И вполне возможно, что на работу в ФАПСИ, куда неоднократно зазывал и заманивал его Тимофей, он не шел именно потому, что опасался рутины, опасался подчиненной и плановой бестолковщины, предпочитая полную свободу маневра. Они не играли в мифическую «Белую Стрелу», они ею были, действуя на свой страх и риск, выполняя то, что подсказывал не закон, а их собственная совесть. Если за это и платили (а обычно все-таки платили), то деньги отрабатывались честно – горьким потом, а частенько и кровью. Они не брались следить за чужими женами и не копали компромат на одиозных политиков, но если предлагаемая акция казалась им «нужной», ребята голосовали «за» и брались за оружие.

Тряпкой протерев лобовое стекло, Дмитрий завел двигатель. Проверив дворники, включил фары. Лучи света выхватили заросли акации, фонарный столб,

который уж лет десять фонарем не являлся. Трудно светить без электричества и проводов. Даже если очень хочется. Вот и некоторые офицеры, участвующие в их операциях, напоминали подобные обескровленные светильники. Потому и шли за ними, тратя свободное время, рискуя подчас не столько положением, сколько головой. Шли не столько за деньгами, сколько потому, что хотели оставаться людьми.

Близ кустов иступленно целовалась какая-то парочка. Ни вечерняя вампирья мошкара, ни фары чужой машины им ничуть не мешали. Поглазев некоторое время на парочку, Дмитрий покачал головой. В их годы он даже полком еще не командовал. Прилежно собирал по квартирам макулатуру, нырял с пирса солдатиком, пистолеты из досок выпиливал. На девчонок тоже, конечно, поглядывал, но даже речи не заходило о том, чтобы попробовать вот так – взасос и по-настоящему! И ведь совсем еще шпингалеты! Ей лет тринадцать, ему чуть больше. Тем не менее целовались всерьез, обстоятельно. Ясно было, что успели попробовать большее.

Развернувшись на исчерченном шинами тротуаре, Дмитрий отъехал от ресторана.

По счастью, дорога была недлинной. С улицы Белинского он свернул на Куйбышева и уже минут через десять, миновав громаду Кировского универсама,

въехал в нужный двор. Адрес он еще помнил – благо навещал непутевого дядюшку не раз и не два. И замки менять приходилось, и из белой горячки выдерживал.

Остановившись метров за сорок до нужного подъезда, хмуро поглядел на себя в зеркальце. Терминатор хренов! И куда, спрашивается, поперся?..

Перед тем, как выйти, Дмитрий отстегнул кобуру со «Стечкиным», переложил пистолет в карман плаща. В другой карман сунул газовый баллончик.

Черт его знает почему, но, выбравшись из машины, он тут же заканделял пьяной синусоидой. Закосил под трудягу, принявшего на грудь лишку. Может, конспирация была не самой достойной, но выдумывать что-либо сложное не хотелось. Дойдя до нужного подъезда, привалился к яблоньке, задрал голову. Покусывая губу, минуту или две изучал обстановку.

Странно. Играла музыка – и, кажется, именно у Вовчика. Но что у него там может играть? У Вовчика всей мебели – шкаф да полторы кровати. Правда, телевизор они ему тоже когда-то дарили. Но всего полгода и проработал. С бодуна Вовчик оставил его включенным, и что-то там перегорело. Хорошо, хоть обошлось без пожара. А потом один из многочисленных Вовчиковых приятелей унес телевизор чинить к себе домой, да так и не вернул. Должно быть, действительно починил. Вовчик потом даже фамилии вспом-

нить не мог. Радио, впрочем, у него водилось, но старенькое-престаренькое. Не играло даже, – сипело едва слышно. Под него гости Вовчика и танцевали, и пели, и в карты резались.

Шоркнув по лицу ладонью, Дмитрий смахнул случайного комара. Продолжая слушать близкие наигрыши, попытался представить себе, как тщедушный Колюня отпирает шпингалеты и, крадучись, выбирается наружу. Стараясь не шуметь, повисает на руках, спрыгивает. Охая, поднимается и бежит. И ведь снять на пленку – как серенько все получится! Что называется – триллер по-русски! Неудачное падение, сломанные ребра... Впрочем, у Вовчика и этого не вышло. Ни побега, ни прыжка. Хотя кто знает, как его там караулят. Возможно, сидит, бедолага, прикованный к батарее. На щиколотках наручники, во рту кляп – попробуй сбеги!

Дмитрий оттолкнулся спиной от яблоньки. Все также пошатываясь, зашел в подъезд, поднялся на пару пролетов. Возле Вовчиковой двери на лестничной площадке курили двое. Один – худой и жилистый, явно на взводе, с чумными глазами. Второй – более трезвый, широкогрудый, с мускулистыми руками. На затылке пучок волос, как у Стивена Сигала, на левом плече недобрая татуировка – кинжал, оплетенный змеиным телом. Даже непосвященный почув-

ял бы исходящую от куряк угрозу. Мельком Дмитрий подумал, что все-таки следовало брякнуть ребятам из ФАПСИ – Свату или тому же Тимохе. Что он, в самом деле, ломанулся без прикрытия? Не Рэмбо, слава Богу...

– Чего тебе, керя? – Мускулистый глянул косо и как-то сквозь. – В гости к кому пришел?

– Да нет... – Дмитрий старался говорить несвязно, язык послушно отяжелел – все равно как вал у глохнущего двигателя. – Я это... Подъездом ошибся.

– Тогда сваливай!

Дмитрий покорно развернулся.

– Э-э, погодь! У тебя сигареты есть?

Голос дребезжащий, какой-то нездоровый. Это, верно, тот с чумными глазами. И ежу понятно, что не сигареты ему понадобились. Дмитрий, не оглядываясь, покачал головой.

– А что есть?

Этот вопрос он и вовсе оставил без ответа. Было слышно, как на площадке завязалась короткая борьба. Кто-то кого-то похлопывал по плечу, оттаскивал от лестницы.

– Остынь, Крот! На хрен он тебе сдался?

Дмитрий спустился вниз, пошарив в карманах, достал пачку сигарет. Заодно взболтнул над ухом газовым баллоном. Вроде что-то булькает, хоть и не дове-

лось проверить ни разу. Но тут уж как получится.

В предчувствии близкой свалки сердце прибавило оборотов. Судорожно вдохнув и выдохнув, Дмитрий повернул обратно.

– Эй, ребята, сигареты нашлись! – Он поднимался, глупо улыбаясь, протягивая им пачку «Мальборо». Простой, дураковатый мужичок. И ничего они, разумеется, не поняли. Впрочем, ему и не требовалось, чтобы понимали. Лишь бы подпустили поближе. А они, доверчивые, действительно подпустили. Жилистый даже сунулся к пачке, крючковатыми обезьяньими пальцами успел цопнуть сигаретку.

– Прикури, родной! – Дмитрий поднял левую руку, большим пальцем утопил клапан баллона. Немецкая штучка не подвела. Ядовитая струя с шипением окропила лицо жилистого. Мускулистый успел таки дернуться, реакция у парня имелась. Но Дмитрий работал на опережение. Не церемонясь, пнул богатыря под коленную чашечку, все той же рукой, сжимающей сигареты, с силой прошелся по ноздрям противника. Снизу вверх. Получилось не смертельно, но чертовски больно. Оба куряки враз заблажили. Один обхватил лицо руками, второй плюхнулся на кафельный пол, беспомощно подогнув под себя ногу. Из разбитого носа у мускулистого двумя струйками пошла кровь. Можно было проще простого добить охломо-

нов, но Дмитрий ограничился тем, что скользнул ладонями по карманам, проверяюще похлопал по груди. Никакого оружия при гавриках не оказалось.

– Падла! – Владелец чумных глаз, продолжал яростно растирать лицо. По щекам у него текли слезы. – Мы ж тебя уроем!

– Стой и не чирикай! – Дмитрий взялся за дверную ручку и тотчас услышал, как щелкнул с той стороны замок. Значит, есть еще и третий. А коли испужался и поспешил запереться, значит, один и без ствола. Дверь, конечно, серьезное препятствие, только замки эти Дмитрий ставил самолично. Месяцев семь или восемь назад. Склеротик Вовчик частенько терял ключи, и Диана всегда держала при себе солидный запас дубликатов. По этой самой причине дверь его надолго не задержала. Отворив замок, Дмитрий ухватил владельца чумных глаз за шиворот, втолкнул в прихожую. Парень тотчас запутался ногами в неряшливом половичке, с руганью опрокинулся. Дмитрий ринулся вперед, бегло заглянул на кухню, выскочил в гостиную.

Все здесь было как обычно – стоялый воздух, запах нестиранного и прокисшего,дохлые тараканы по углам, на столе привычный кухонный кавардак. Разве что играла выставленная на табурет японская магнитола, а среди грязных тарелок лежала дорогая нездешних мест зажигалка. Должно быть, магнитола

с зажигалкой принесли с собой любители чужих квартир. Дабы глушить случайные звуки и огоньком прижигать непокорную плоть.

Вовчик и впрямь оказался связан, но не сидел, а лежал. Опухшее лицо, багровая короста вместо губ, а там, где положено быть правому глазу, – узенькая нездоровая щелочка. Впрочем, Дмитрий видывал на своем веку картинки и пострашнее, а потому времени на охи и ахи терять не стал. Выключив магнито-лу, коротко поинтересовался:

– Где?

– Двое это... Вышли подымить. А этот...

Дмитрий успел догадаться раньше, чем договорил Вовчик. Точнее сказать, не догадался, а услышал. Кто-то вполголоса бубнил в ванной комнатке. В два шага оказавшись возле туалета, Дмитрий прилип ухом к дверной филенке.

– ..Короче, приезжайте! Они уже тут. Крота с Тайсоном положили... Откуда я знаю! Я же говорю, тут они! Сейчас меня за кадык возьмут...

Дмитрий постучал по двери костяшками пальцев.

– Слушай сюда, придурок! Либо ты добровольно выходишь и сдаешься, либо мы прошиваем дверь из автоматов. Пару языков мы уже взяли, третий нам на хрен не нужен. Ты меня понял, чебачок? Считаю до трех. Раз...

Шпингалет щелкнул с такой поспешностью, что Дмитрий едва успел отпрянуть от двери. Держа руки за головой, из ванной вышел смуглявый мужчина вполне интеллигентной наружности. Личико – плоское, подвижное, нечистые с рыжиной глаза напомнили два влажных комочка глины.

– Молодец! – похвалил Дмитрий. – К стеночке давай. Вот сюда!

Смуглявый растерянно оглянулся.

– А где все?

– Ты о ком? – Дмитрий толкнул мужчину к стене, пинками заставил развести ноги. – Или думал, тебя взвод ОМОНа брать приедет? Много чести, парниша.

– Так ты это... Один, что ли?

– А тебе мало? – Охлопав карманы бандита, Дмитрий обнаружил трубку сотового телефона. Переложив трофей в правую руку, нанес резкий удар по почкам. Пленника скрючило.

– Что ж ты, гад, делаешь! Без адвоката не имеешь права!

– Ты о чем? – Дмитрий повторил удар, заставив пленника со стоном осесть на пол. – Хочешь еще?

Голова мужчины замоталась.

– А не хочешь, прикуси язык. Школа Панкратиона, братец, – жестокая штука. Попытаешься подняться, шлепну. – Дмитрий включил сотовый, скоренько

набрал знакомый номер. Быстрыми шагами вернулся в комнату. Пережидая долгие гудки, поискал на заваленном столе нож, торопливо освободил Вовчика от пут.

– Ну? Как ты тут, Монте Кристо? – он подмигнул родственнику.

– Болит все, зараза!

– А ты как думал! Похмельный синдром всегда неприятен...

Трубку наконец подняли, Дмитрий услышал знакомый голос. Перебивая, заговорил сам:

– Тимох, это я! Конечно, поздно и все такое, но срочно нужна твоя ксива. Прямо сейчас.

– Моя ксива или мое присутствие?

– Ксива, а к ней желательно, конечно, иметь и тебя.

– Елки зеленые, ночь же на дворе!

– Что поделать, извини.

– Какие-нибудь хвосты?

– Нет, тут другое. Умники одни квартиру хотели отобрать у знакомого, я их шугнул. Они обиделись, адвоката вызвали. Надо думать, защитничек не один припрется. Сам знаешь, какие нынче адвокаты. Возьмет и приведет с собой роту спецназа.

– Это что же, вроде стрелки получается?

– Какая стрелка! Я у Вовчика, Динкиного дяди. Только что стукнул двоих. Не до смерти, не бойся.

В общем, если ты сюда явишься, то очень меня обяжешь. – Все той же скороговоркой Дмитрий назвал улицу, номер дома с квартирой и отключился.

– А теперь с тобой разберемся, – он взглянул на Вовчика. – Только коротко и по существу. Кто тебя бил?

– Они квартиру хотели переписать...

– Знаю. Я спрашиваю, кто бил?

– Крот в основном. Иногда Тайсон.

– Тайсон, – Дмитрий усмешливо покачал головой. – Это который на Чипполино похож?

Вовчик кивнул.

– Знаю такого. Ладно... Сиди тут, поглядывай за козликом возле ванной. А я сейчас вернусь.

Интеллигентный красавец по-прежнему стоял у стены. А вот ослепленного аэрозолью в коридоре уже не было. Да и мускулистый успел спуститься на пару пролетов. Дмитрий догнал его уже у самого выхода.

– Але, Тайсон! У тебя имя случайно не Майкл?

Мускулистый ощерился.

– Кобел рваный! Да я тебя...

Дмитрий не стал слушать. Мечтаешь о чае с коньяком – не теряй лишних секунд! Судя по стойке, Тайсон, как и положено Тайсону, принадлежал к клану боксеров. Мог, наверное, сильно ударить, и потому Дмитрий не стал рисковать. Изобразив левой финт, вон-

зил ступню в грудную клетку боксера, вышвырнув его из подъезда.

– Полегчало? – Он шагнул вперед, склонился над упавшим. – На кого работаешь, чучело?

Лицо поверженного перекосилось от бешенства. Вероятно, в столь унижительном положении он не бывал с самого рождения.

– Какая там нога у тебя отнялась? Левая? – Дмитрий, примерившись, пнул. Тайсон с рычанием закрутился на асфальте. Из глаз его брызнули по-детски крупные слезы. Беда только, что ребенком этот бугай уже не был. Давно и безвозвратно.

– Это, чтоб ты не бегал, – объяснил Дмитрий. – Ты пойми, я один, а вас вон сколько. Один уже смылся. Тебя, кстати, не постеснялся бросить.

– Сейчас наши подъедут, тогда потолкуем! – прохрипел Тайсон.

– Тут ты прав, это вы можете. – Дмитрий озабоченно взглянул на часы. – Кто первым успеет, тот и в наваре.

Мысленно он все же понадеялся, что свои придут первыми. Но, увы, «свои» запоздали. Первыми успели «чужаки». Бежевый «Фольксваген» вынырнул из проулка, на скорости подкатил к дому. Укрываясь от слепящего света фар, Дмитрий отступил к подъезду.

– Так! Что здесь происходит?

Защелкали дверцы, наружу выбралась «команда поддержки». Трое былинных богатырей в джинсах, кроссовках и фуфайках, впереди – солидной комплекции лысоватый мужчина. Очки выдавали в нем адвоката, длиннополый мафиозный плащ – юриста из преуспевающих.

– На каком основании этот человек...

– Вопросы буду задавать я! – Отчеканил Дмитрий. Когда надо, он умел брать на голос. Слава Богу, и ротой командовал, и батальоном. Даже в атаки имел счастье хаживать. Отнюдь даже не понарошку.

– Так вот, мил человек, довожу до твоего сведения, что этот субъект преступник! Очень и очень опасный. А потому он будет препровожден в ближайшее отделение милиции.

– А вы кто такой?

– Показать корочки? – Дмитрий красноречиво сунул руку в карман. Ребята из «команды поддержки» тотчас напряглись.

– Что, показать? Только жалеть ведь потом будешь. Потому как и тебя придется до кучи прихватить.

Лысоватый мужчина в смущении оглянулся.

– Зачем же... Я верю.

– А коли веришь, то сваливай. В противном случае гарантирую крупные неприятности.

– По-моему, вы превышаете свои полномочия!

– Да ну?

– Этот человек – мой клиент, и в дальнейшем будет несложно доказать, что вы действовали не по закону. Учтите, у меня есть свидетели.

– Вижу, – Дмитрий холодно улыбнулся.

Приподнялся с тротуара Тайсон.

– Я это... Заявляю! Шел, короче, никого не трогал. Этот козел вылетел, напал. Деньги хотел отнять.

– Слышите? – Адвокат, кажется, уже вошел в образ. От разгорающегося возмущения у него даже задрожала нижняя челюсть. – Вы ничего не сумеете доказать!

– Возможно.

– Без своего клиента я отсюда не уйду!

– Ладно... – Дмитрий как-то враз увял. Не было у него сил фехтовать с этими ребятами. И должно-го настроения не было. Прав был Павел Викторович, мир не изменить и не переделать.

– Забирай своего клиента и дергай.

Он не сдавался, – он всего лишь сдавал. Карты и пленных, дабы не потерять качество. Слишком хорошо знал, каково это тягаться с корпусом купленных адвокатов. Нахрапом оккупировав судейские залы, защитнички обиженных и угнетенных вошли нынче в силу, как-то быстро и незаметно став выше самых грозных прокуроров. Можно, конечно, ерепениться,

рвать на груди рубаху, но все это при условии, что нет страха перед оглаской. Но в том-то и крылась главная загвоздка, что огласка Дмитрию была совершенно ни к чему. Тихо ему следовало сейчас жить. Тихо и неприятно, чтобы на корню не загубить светлые идеи Павла Викторовича.

– В доме еще один человек, – напомнил адвокат. – Это наш нотариус.

– Я так и понял, – Дмитрий кивнул. – Стойте здесь, сейчас вызову.

Поднявшись в квартиру, Дмитрий обнаружил, что бандит интеллигентной наружности все еще стоит возле стены. Громко сопя, рядом топтался кровожадный Вовчик. Столовый нож он держал словно пистолет. Можно было не сомневаться, что мужчины в отсутствие Дмитрия успели приятно побеседовать.

– Амнистия, дядь Вов! – Дмитрий хлопнул родственника Дианы по плечу. – За примерное поведение этого говнюка придется освободить досрочно.

– Как это? – Разбитые губы Вовчика недоуменно дрогнули.

– Мафия, Вовчик, ничего не попишешь.

– Они же меня били! В шесть кулаков!

– Я вас пальцем не коснулся, – произнес нотариус, опуская руки.

Дмитрий рывком развернул его к себе. Вздрогнув,

Мужчина попытался прикрыть лицо ладонями.

– Чего ты? Я пошутил, – Дмитрий подтолкнул его к выходу. – Давай, давай, там тебя ждут дети и внуки.

Нотариус шагнул за порог, на лестничной площадке оглянулся.

– А телефон?

– Какой телефон, золотце?

– У меня трубка была, вы ее забрали.

– Что-то у тебя с памятью, браток.

– С памятью у меня полный порядок.

– Вот и я гляжу – такой вроде умный, а забывчивый. Тебе череп, часом не жмет? – Дмитрий грубовато подтолкнул нотариуса в грудь. – Давай, мудрила, вали. Телефон и магнитола изымаются в качестве вещественных доказательств. Все понял?

– Но это грабеж!

– Тебе ли это говорить, голубь мой вороватый! Дергай и радуйся, что цел. Внизу четверо орангутангов, – я так понял, – тебя ждут. Купи им по банану, объясни, что помилован.

Мужчина немо шевельнул губами, но спорить, видимо, не решился.

– Хорошо... – Непонятно произнес он. – Но мы еще встретимся.

– Знаю! В другое время и в другом месте.

Скрипнув зубами, нотариус спешно сбежал по сту-

пеням вниз.

– Обиделся чужак... – Дмитрий прикрыл дверь. Достав из кармана сотовик, снова набрал номер Тимофея. На этот раз трубку подняли немедленно.

– Что? Уже выходишь?.. Все, майор, отбой. Можешь снова раздеваться... Нет, не шучу. Приехал защитник, баранов своих забрал... Ага, пришлось отпустить. Как там твоя Анна? Ругается, небось?.. Ладно, ладно! Сам же понимаешь, я ни при чем... Ну все, Тим, подробности потом.

Дмитрий нажал кнопку отбоя, услышав странные звуки, обернулся. Вовчик сидел на полу возле стены и плакал, размазывая по лицу слезы. Дмитрий присел рядом.

– Эй! Будет тебе! Живой остался, и хорошо, – он погладил Вовчика по костлявому плечу. – Собирайся, поедешь со мной.

– Куда еще?

– В больницу. На тебе ведь места живого нет. Еще и кости проверить не мешает.

– Откуда они такие? За что? – Вовчик продолжал всхлипывать.

– Они, Вовчик, оттуда же, откуда мы с тобой. Только их клещами хирургическими доставали, а нас руками.

– Клещами? – Вовчик удивленно поднял голову.

– Точно. – Дмитрий невесело улыбнулся. – Цапали

за крохотные черепушки и выдирали, словно гвозди. Такая у них, видишь ли, бодяга получилась при родах.

..Клещами, между тем, выдергивали многих. И тот же охамевший от безнаказанности воспитатель тоже, должно быть, явился на свет божий подобным неласковым образом. Голова у него была абсолютно лысой, чуть вытянутой, за что и получил он свое прозвище – Болт. От рук воспитателя вечно пахло чесноком и машинным маслом, а улыбался он так, что, казалось, вот-вот скажет какую-нибудь гадость.

Мутные слухи о том, что воспитатель частенько заводит девочек в свой кабинет для «медосмотра», бродили по интернату давно. Но то ли не верилось в дикость творимого, то ли заняты были детские головенки совсем другими темами. Так или иначе – слухам не придавали особого значения. В большей степени реагировали на те случаи, когда воспитатель встречался с дамами из детдомовского персонала. Взрослая женщина – это вам не пигалица с косичками, тут есть на что посмотреть, и несколько раз ребята порывались проследить за подробностями свидания, взбираясь на росшую вблизи окон высокую яблоню. Увы, Болт не забывал зашторивать окна, и кроме

приглушенных шепотков и хихиканья что-либо разобрать было абсолютно невозможно. Кое-кто, правда, уверял, что отчетливо слышал скрип диванных пружин и странные причмокивающие звуки, но рассказчикам не слишком верили, и в целом мир взрослых по-прежнему оставался далек и недоступен. То, что именовалось сексом, только-только начинали постигать, а книжно-журнальной любви откровенно стеснялись. Даже в тот роковой вечер, когда их уже разогнали по палатам, новость, принесенная дежурящим по кухне приятелем, была воспринята не сразу.

– Слышь, Змей, Мальвину-то твою Болт забрал. То же осматривать будет...

Это было ударом. С таким же успехом в них могли бросить дохлой крысой или облить водой из сточной канавы. По златокудрой улыбчивой Мальвине иссыхала добрая половина интерната, однако вслух о своих чувствах неосторожно проболтался один только Тимофей. Потому и признали за ним негласное право на Мальвину – без шуточек и особых претензий. Тем более, что дальше слов дело не заходило. Вот и в тот вечер, услышав про выходку Болта, они еще минут десять пыжились, делая вид, что это их совершенно не касается. Первым не выдержал Тимофей. Достав из тумбочки самодельный ножик с рукояткой, оплетенной изоляцией, он вышел в коридор. За ним увя-

зались Дмитрий с долговязым Олежкой. Три неразлучных друга и три былинных богатыря, с которыми не решались связываться даже забияки из старших групп. Крадучись, они добрались до воспитательского кабинета, все враз прикинули к дверной филёнке ушами, заглянули и в замочную скважину. Кабинет был пуст, и они тут же решили, что совравшему дежурному сегодня достанется по первое число. Уже повернув обратно, на всякий пожарный все же спустились этажом ниже, заглянув в палату к девчонкам. Увы, сообщение подтвердила Натаха, ближайшая подруга Мальвины. Болт действительно о чем-то шептался накануне с Мальвиной, и в палате девочки сейчас не было.

Дмитрий уже не помнил, кому первому пришла в голову мысль о подвале. Вероятно, это было коллективным прозрением. Уже чувствуя, что не ошиблись и что страшное происходит именно там, отважная троица ринулась вниз.

Что могут сделать три двенадцатилетних пацана с опытным и крепким мужиком? Да ничего, если поставить их в равные условия. Но в том и крылась закладка, что преимущества оказались на стороне малолеток. Хватило ума пробраться в подвал тишком, и по ступеням парнишки спускались, боясь задеть стоящие там и тут ведра, не касаясь многочислен-

ных швабр и лопат. Уже на последних ступенях слуха коснулся плач Мальвины, заглушаемый торопливым шепотком воспитателя. Тусклый свет единственной лампочки ослепил их. Точнее – ослепила открывшаяся глазам картина. Возле сложенных штабелями стареньких парт на кусках картона желтело крупное мужское тело. Оно безобразно шевелилось, часто и судорожно вздергивало крупом. Мальвину они сразу и не увидели. Лишь пара круглых коленок выглядывала из-под мышек воспитателя. Вот тогда все и закрутилось. Подняв над собой коротенький ножик, Тимофей с рыком метнулся вперед. Дмитрий тоже ухватил какую-то лопату. Это не было дракой, это было избивением. Они молотили откатившегося к партам воспитателя ногами, кулаками, всем, что попадалось под руку. Пару раз Болт вскакивал, но Дмитрий доставал его лопатой по голове, а Олежек цепко кидался Болту под ноги. Так охотничьи псы, верно, рвали в стародавние времена медведей-шатунов. Больше других старался Тимофей, раз за разом вонзая ножик в мясистое, перепачканное кровью тело, норовя пнуть воспитателя в волосатый пах. В конце концов Болт свалил парнишку ударом кулака, Олежу отшвырнул в угол свирепым пинком. Дмитрий взмахнул лопатой, но угодил мимо. Воспитатель юркнул в сторону и, топая босыми ступнями, резво взбежал по лестнице наверх. Отчетливо

щелкнул замок, и, тяжело дыша, они сообразили, что Болт их запер. Часто всхлипывая, жалкая и совсем не похожая на принцессу из сказки, Мальвина ползала на четвереньках и собирала одежду. Дмитрий с Олежей нашли отлетевшую в угол заколку, Тимофей протянул Мальвине трусики. И все трое не поняли, почему с такой злостью на них глянули ее васильковые глаза. Даже отвернуться не догадались. Пялились, дураки, хотели помочь и утешить.

А потом... Потом все вдруг вывернулось наизнанку. Болт обвинил их в надругательстве над одноклассницей и попытке убить пытавшегося помешать насилию воспитателя. Дескать, и девочку запугали, велел говорить несуразное. Самое ужасное, что лепет Мальвины никто не воспринял всерьез, воспитателю же поверили все – и директор детдома, и милиция. Все, кроме детей, но, увы, дети в расчет не входили. Олежу, Дмитрия и Тимофея препроводили в камеру предварительного заключения, и, судя по всему, следствие не обещало затянуться особенно долго. Именно в эти дни в интернате и разразился бунт – абсолютно русский, с недетским надрывом. Узнавшие о выводах следователей, воспитанники детдома принялись крушить мебель и окна, в кабинете Болта сожгли все, что было можно, а к прибывшим милиционерам выкатились вооруженные палками и железными прутьями. Все

завершилось газетным скандалом и громким судебным разбирательством. Болта усадили таки в психушку, лихую тройцу после нескольких недель мытарств выпустили на свободу. А в один из вечеров Тимофей сочинил горестную поэму, подытоживая свое первое любовное фиаско и свое первое крупное разочарование в правоте взрослых.

Мальвина не полюбит Буратино... Именно так начиналась его поэма. Продолжения Дмитрий уже не помнил, – помнил только то, что рифмованная печаль друга произвела на него неизгладимая впечатление.

Откинувшись на сиденье, он с хрустом потянулся. Пошарив рукой на полке, извлек завернутую в газетный лист булку. То есть булкой это было давным-давно, а сейчас больше напоминало окаменевший кусок глины. Рассеянно развернув газету, Дмитрий глазами скользнул по кричащим заголовкам.

«В августе-сентябре 1999-го года Нострадамус определенно предвещает третью мировую войну!...»

«Более трехсот предсказателей указывают одну и ту же дату конца света. Апокалипсис наступит в результате обмена ядерными ударами между Китаем и США...»

«Этим летом на Земле произойдет что-то страшное. Но что?...»

Смешно и нелепо! Пугали девяносто девятым годом, теперь пугают первым годом третьего тысячелетия. Но чем можно напугать живущих на этой планете? И Хиросима, и Насаки, и напалм во Вьетнаме – все уже было. А «страшненького» они вволю нагляделись в детском доме и Афганистане, в Югославии и Нагорном Карабахе...

Дмитрий отложил газету, достал из карманаτροφейный сотовик, поколебавшись, набрал телефон Киры.

– Кира? Это я.

– Ты с ума сошел! Уже первый час ночи!

Дмитрий взглянул на часы.

– Да, действительно. Зато я освободился.

– Боже мой, что вы говорите!

– Я вполне серьезно.

– Зато я несвободна.

– Не надо, Кира. Зачем ты так? Я вымотался, как собака. Давай поговорим мирно.

– Мне надо выспаться. Завтра перед отъездом я должна переделать еще кучу дел.

– Понимаю... – Дмитрий устало прикрыл веки. – С кем хоть едешь?

– Едут мои друзья по университету. Три красивых мальчика и две симпатичных девочки.

– Значит, пятеро?

– Ага. Но могло быть и шестеро.

– Шесть – неважное число.

– Это все, что ты можешь сказать?

Дмитрий вздохнул.

– А, может, ну их – этих красивых мальчиков вместе с палатками, ухой и озером?

– С какой это стати?

– Завтра к обеду освобожусь, встретимся. Сходим в какой-нибудь ресторан или дома посидим, музыку послушаем.

– Скука.

– Ну, не знаю... Что-нибудь еще придумаем.

– А, по-моему, не стоит ничего придумывать. Собирайся и поезжай с нами. Дела свои на потом отложишь.

– Боюсь, на потом отложить не получится.

– Тогда счастливо оставаться!

– Кира, ну что ты в самом деле! Ты же все прекрасно понимаешь.

– Дима, мне нужно выспаться. – В голосе ее прозвучали непреклонные нотки, и Дмитрий отстраненно отметил про себя, что племянница Павла Викторовича кое в чем походит на своего дядю.

– Если не выплюсь, буду завтра сонной мухой.

– Что ж, извини. Спокойной тебе ночи. – Дмитрий отключился. Не колеблясь и не раздумывая, тут же

набрал другой номер. Раздраженно подметил, что пальцы чуть подрагивают.

– Диана? У меня все в порядке. Спор разрешили, хулиганов изгнали из города.

– Что с Володей?

– Ничего страшного. Синячки да ссадины. Отвез в больницу к знакомому врачу. Серьезных повреждений, кажется, нет.

– Ты ничего не скрываешь? Все действительно обошлось?

– Конечно, обошлось.

– А почему у тебя такой голос?

Он ответил не сразу. Трудно было что-либо говорить.

– Дима? Почему ты молчишь? Тебе плохо?

– Как тебе сказать... – Дмитрий тупо пронаблюдал, как случайный песик, подняв лапу, помочился на колесо его машины. Диана ждала ответа, а он продолжал молчать. И не оставляло ощущение, словно рот заполнили тягучим клейстером.

– Если хочешь, Дим, приезжай. Прямо сейчас.

Она произнесла это тихо, но он услышал. И понял, что Диана имеет в виду. Нечто подобное он предпочел бы услышать от Киры, но Кира выбрала друзей и озера. Во-первых, потому что погода, а во-вторых... Во-вторых, молодости трудно дружить со ста-

ростью. Двенадцать лет – не самая большая разница в возрасте, но и этого порой вполне достаточно.

**Стиснув пальцами трубку, Дмитрий проговорил:
– Хорошо. Я приеду.**

Глава 7

Напряжение его улеглось, однако усталость напоминала о себе нервной пульсацией в висках – словно тикал неведомым образом поселившийся в голове будильник. Уже в лифте, поднимаясь на нужный этаж, Дмитрий прочел написанное фломастером на стенке:

«Если ты его любишь, а парень смеется,
Плюнь ему в рожу, пусть захлебнется!»

Суровый сонет был подписан псевдонимом «Гордая». Выдавать миру свое настоящее имя, поэтесса, видимо, постеснялась. Дмитрий перечел вирши трижды, но так и не улыбнулся. Все правильно, Гордая. Не все еще спокойно в мире, чтобы обнародовать имена героев...

Звонить не пришлось. То ли Диана услышала его шаги, то ли узрела в дверной монитор.

– Проходи, устраивайся.

Он прошел в гостиную, опустился на диван.

– Рюмку, – попросил, не глядя ей в глаза. – Водки.

– Может, коньяка?

– Можно и коньяка. – Ему действительно было все равно. Хотелось оглушить себя, временно впасть в беспамятство. Любопытно, что бы люди делали без сна? Должно быть, сходили бы с ума. А впрочем, без

того сходят. Поскольку восемь ночных часов – это не выход. Самое верное для неугомонных гомо-сапиенс – спать с рассвета и до рассвета.

– Поссорились с Кирой?

Вяло кивнув, Дмитрий опустил голову и разглядел в собственных пальцах хрустальную посудину. Не рюмка даже, а целый бокал, изящный пластик сыра сверху. Диана всегда была понятливой. И совсем не нужно было что-либо рассказывать. Она не нуждалась ни в объяснениях, ни в оправданиях. Практичная, знающая себе цену дама.

Залпом выцедив обжигающую жидкость, Дмитрий сунул в рот кусочек сыра. Неспешно разжевав, посмотрел на хозяйку квартиры.

Диана сидела в кресле – задумчивая и печальная. Длинные, бронзовеющие на свету волосы, смуглая, подкрашенная итальянским солнышком кожа. Излюбленная поза всех соблазнительниц – нога на ногу, полы малинового халата, словно кулисы начинающегося шоу, чуть раздвинуты. И никакой пошлости в виде клетчатых чулков и оранжевых резинок. Она без того была хороша, понимала это, как понимала и то, что если он пришел, то все произойдет само собой.

Дмитрий взял ее за руку, притянул к себе.

– Ты красивая и умная.

– А ты сильный и добрый.

Он покачал головой.

– Нет, сегодня я слабый. Слабый и никакой.

Диана погладила его по щеке.

– Ты Гепард, а гепарды слабыми не бывают.

– Пожалуйста, не называй меня так.

– Хорошо, не буду.

Он накрыл ладонью ее руку, ласково погладил.

Приняв это за разрешение, она тут же пересела на диван, неторопливо стала его раздевать.

– Подожди, мне надо сначала в душ.

– Какой душ, ты же устал.

– Но я грязный!

– Даже, будучи грязным, ты – красивый и добрый, –

Диана распустила поясок, одним движением освободилась от халата. Женские пальчики сноровисто стали расстегивать пуговицы на его рубашке. – Измажь тебя ваксой и глиной, ты все равно будешь красивым.

Зачарованно глядя на женщину, Дмитрий погладил ее по плечу, ласково приподнял одну из грудок, словно оценивая на вес. Все-таки следовало признать, сложена она была замечательно, заняв ту самую золотую середину, располагающуюся между подиумной худобой и щедрой женственной спелостью. Рука сама перескользнула за спину Дианы, медлительно двинулась вдоль позвоночника, пересчитывая крохотные драконьи холмики. В районе копчика пальцы вильну-

ли в сторону, ногтями легонько прошлись по ягодице. По телу ее пробежала дрожь, лицо Дианы стремительно приблизилось.

Зажмурившись, Дмитрий вслепую обнял горячее нагое тело. Сумасшедший ток в несколько секунд оживил мышцы, наполнил грудь и голову нестерпимым жаром. Раздражение дня, недобрые разговоры – все разом обратилось в свою противоположность, сменив знак, трансформировавшись в энергию близкого взрыва.

Одежда полетела на пол. По-звериному подмяв хозяйку квартиры под себя, Дмитрий впился губами в близкий, что-то шепчущий рот, задыхаясь, стиснул Диану в объятиях. Никакого поиска не понадобилось. Она напоминала разломленный апельсин, и влажные дольки без сопротивления пропустили его внутрь. Сдерживаться больше не было сил, и Дмитрий с первых секунд задал сумасшедший ритм. Тело пылало, обратившись в паровой грохочущий молот. Диана готова была принять его, но в эти минуты он не получал и не доставлял удовольствие, – он снимал стресс, и потому все получилось чересчур быстро. Сладостные прострелы в паху, судорожная конвульсия слабеющих мускулов, наступление полного опустошения. Обмякнув, он погладил ладонями близкое лицо, поцеловал мочку уха.

– Прости...

– Все хорошо, Дим. – Шепнула она. – Просто замечательно!

Обняв его крепче, Диана щекой прижалась к щеке. – Если хочешь, я даже приставать к тебе больше не буду.

– Почему же... Приставай. – Он потерся носом о ее кожу, со вздохом перевернулся на спину. – Только сначала я немножко отдохну, ладно?

– Конечно, отдохни, – Диана легла удобнее, пальцами пощекотала ему бок, секундой позже наткнулась на старый шрам.

Дмитрий поморщился, заранее предвидя вопрос. Но она не спешила. Женской интуицией, видимо, угадала его настроение. И даже собственное любопытство умудрилась проявить предельно деликатно. Сначала нежно поцеловала застарелые рубцы, погладила кончиками пальцев и только потом спросила:

– Осколок?

Он покачал головой.

– Пункция?

– Что?

– Из меня изъяли ребро. Нижнее и самое нужное.

– Зачем? – Диана снова поцеловала шрам. – Зачем из тебя изъяли столь нужное ребро?

– Смешной вопрос, – Дмитрий устало улыбнулся. –

Разумеется, чтобы сотворить женщину.

– Всего одну?

– Одну. – Он серьезно кивнул. – Знаешь, мужчины ищут не ласковых и не сексапильных, – они ищут тех, что были сотворены из их ребер. Ребра нет, но мы его все равно чувствуем. Как раненный ампутированную руку. Чувствуем и постоянно ищем. Всего-то и требуется – угадать свое родное ребрышко.

– А меня? Меня ты чувствуешь?

Дмитрий притянул Диану к себе, ладонью провел по волосам.

– Давай лучше спать, золотце...

– Сколько их там?

– Не меньше десятка машин.

– Значит, сорок гавриков... – Краевой пожевал губами. – Чем вооружены?

– А хрен их знает! Они же не вылезают. Обложили офис и сидят себе. – У Станка заметно подрагивали руки.

– Не бзди, фанера! – Радик орангутангом приблизился к окну, двумя пальцами развел жалюзи. – Точно, стоят!.. На оттяжку берут, сучки.

В кабинет заглянул Леньчик.

– Босс! Только что Макар дал о себе знать. Сказал, возле «Галактиона» такая же картина. Шесть или семь легковушек. Ничего не предпринимают, просто стоят, ждут.

– Может, Казимира вызвонить? – Предложил Станок. – Пусть пугнет эту кодлу.

– Соображай, что долдонишь! Ментов на Шмеля звать? – Радик выразительно постучал себя по лбу.

– Чего же тогда делать?

– А ничего. Постоят, посветят фарами и уедут. – Радик взглянул на Краевого. – Как полагаете, босс, решатся они на бузу?

– Вряд ли. – Краевой покачал головой. – Ты правильно сказал: акция устрашения и ничего больше. Посидим, пивка пососем, там по ходу и разберемся.

Радик кивнул.

– Я все-таки по зданию пройду, взгоношу пацанов. И Мослатого предупрежу, чтобы держал бойцов наготове.

– Давай... – Краевой потянулся к бутылочке, по старой привычке сорвал жестяную пробку зубами, жадно отхлебнул. Пенная влага огладила пищевод, приятным холодком пролилась в желудок. Откинувшись на мягкую спинку кресла, он сладко зажмурился.

На чем поднимались пионеры перестройки? Да на всем! Кто-то ловчил с акциями и торговыми пира-

мидами, кто-то наживался на приватизационных вачерах, а те, что паслись у власти, – вовсе хапали возами и эшелонами. Люди попроще баловались рекитом и «крышой», работая под лозунгом «грабь награбленное», не чураясь никакого прибитка. Горбачевское «все, что не запрещено, разрешено» – пришлось очень многим по душе. Крылатая фраза вдохновляла на подвиги и ощутимо утяжелила множественные кошельки.

Увы, сам Краевой к разделу главного пирога опоздал. Опоздал, поскольку в лучшие годы дележки был по возрасту и положению третьесортной сивкой. Об этом он, впрочем, сейчас не вспоминал. Тем более, что в конце концов фортуна улыбнулась и ему. Однако на протяжении нескольких лет он работал с одной-единственной бригадой, опекая рыночных шаромыжников, следя за автомобильным бизнесом, изредка перехватывая на трассах наиболее лакомые иномарки. Пара киосков и одна шашлычная – вот и все, чем он владел, не смея надеяться на более роскошные перспективы. И ту же дань в общак крокодилам приходилось платить, как всем прочим. За то, что получал право на свое скромное место возле разбойного корытца.

Все переменилось после случайной встречи. В казино «Космос» он столкнулся со своим давним друж-

ком по железнодорожному институту. Они и проучились-то вместе всего год, но и такого срока зачастую достаточно, чтобы сблизиться на всю жизнь. Макар, так звали приятеля, был парнишкой смекалистым и озорным. В отличие от Краевого, сунувшего нужному человеку из приемной комиссии приличную сумму, в институт поступил честно и легко – и столь же легко потом учился. Именно эта легкость погнала Макарку по проторенной студенческой колее. Не тратя вечера на зубрежку конспектов и перелистывание учебников, он с удовольствием вкушал от жизни – вкушал торопливо, с юношеской неумеренной жадностью. На этом разудалом поприще, попеременно балуясь водочкой, танцами и сговорчивыми студентками, Макар и сошелся с Краевым, который, к слову сказать, Краевым тогда еще не был. Союз оказался взаимовыгодным, ибо Макар умел делать курсовые и домашние задания, Краевой же в любую минуту готов был поддержать приятеля парой крепких кулаков. Чувствуя такую поддержку, Макар бурел на глазах, становясь абсолютно неуправляемым. В конце концов все кончилось тем, чем и должно было кончиться. На одной из общаговских дискотек, обнаружив свою подружку в объятиях чужачка, Макар незадумчиво метнулся в драку. Чужачок оказался не промах, сдачу выдал вполне качественную. Общежитие взбурлило,

как перебродившее пиво. Будущие железнодорожники вынесли пришлых гостей на кулаках. Главного же обидчика попросту выбросили в окно. Все бы ничего, да только шестой этаж – не первый. Разбор полетов устроили прибывшие на место происшествия хмурые районные следователи. Кто именно выставил незадачливого кавалера в незаконное пространство – выяснить, разумеется, не удалось, но поиски зачинщика потасовки могли оказаться более удачными. И тогда Краевой выгородил Макара, взяв всю вину на себя. Хвостист и двоечник, он лучше других знал, что ничем не рискует. Затеять драку – еще не убить, а с институтом ему так и так предстояло расстаться. Лекции, надоели ему смертельно. Кроме того, начинали манить уже иные дали, не замутненные огнями железнодорожных светофоров, не пахнущие креозотом тяжелых шпал. За свой же «благородный поступок» с Макара он надеялся выцыганить не меньше столыника. Кстати сказать, и выцыганил, устроив прощальную пьянку все в той же общаге. Уже после пути-дорожки их на время разошлись. Когда же бывший приятель вновь выплыл на горизонте, вдруг выяснилось, что из вихрастого шепутного Макарки вылепился вполне грамотный путеец. За несколько лет сообразительный инженер сделал успешную карьеру, и именно там, в казино, у них сложилось то, что приня-

то называть преступным тандемом. Заместитель начальника отделения дороги, обросший связями, как еж иголками, Макар оказался ценным приобретением для Краевого. Страна распухала от импортных дрожжей, но импорт, как известно, тоже не любит бездорожья. Так и начались их первые операции по доставке заграничных товаров. Ручейки новомодной оргтехники с трудом утоляли стремительно растущую жажду россиян. Партии компьютеров и комплектующих – все легко и просто грузилось в неучтенные контейнеры, в считанные дни доставлялось до места. Макарка обстряпывал подобные дела мастерски, и очень скоро на свет божий явилась фирма перевозок «Галактион», а еще через пару месяцев напарники обзавелись совместным магазином. Железная дорога оказалась на поверку отлитой из чистого золота. На смену аппаратуре и прочей мелочевке, пришел его высочество Героин. То, что другие курьеры вынуждены были перевозить в цыплячьих порциях, пряча в автомобильных дверцах и бензобаках, Краевой с Макаром брались поставлять оптом и в кратчайшие сроки. Появились первые настоящие денежки, завелись купленные чины среди милиции. Так или иначе, но дела шли в гору, и ни инфляция, ни правительственные пертурбации не влияли на растущий спрос населения. Если поколение семидесятых нюхало инозем-

ные порошки с некоторой опаской, то новое поколение молодых в полной мере оценило всю прелесть сладкой кокаиновой смерти. Именно эта узкогрудая поросль с энтузиазмом взялась укреплять благосостояние Краевого и ему подобных. Это напоминало вал, который не в состоянии были остановить самые зубастые спецслужбы. Если же говорить о России, то о проблематике СПИДа и наркотиков здесь, похоже, вообще не задумывались. Так и получилось, что, превратившись в одного из основных поставщиков на Урал волшебного разнотравья Ферганской и других столь же сказочных долин, Краевой окончательно понял, что рай – далеко не миф и не вымысел. Богами становились здесь – на земле и при жизни. Зеленые купюры выстилали витую дорожку, уводя в заоблачное пространство. И если кто-то еще подражал Гераклу, качая на тренажерах мускулы и разрывая львиные пасти вручную, то люди более умудренные с ухмылкой поглядывали на ослепленную Немезиду и брались за оружие более весомое, тихой цапой дотягиваясь до большой политики. Деньги липли к деньгам, а связи к связям. Помимо торгашей из Таджикистана и Туркменистана Краевой успел обзавестись друзьями из областного правительства, и первым среди первых на него вышел Павел Рассохин. Это можно было именовать его второй удачей, потому что именно этот

чиновник дал наводку на изумрудные прииски и именно этот человек помог избежать очередных ментовских погромов. Юркий, как речной угорь, умеющий держать нос по ветру, Рассохин с успехом использовал расположение сильных мира сего. Он не ущемлял чрезмерно, позволял нагуливать жирок и развиваться. Подле такого опекуна согласны были греться люди и более крутого нрава, нежели Краевой...

– Уезжают, босс! Верняк, уезжают!

– Что? – Он распахнул глаза, недоуменно сморгнул, не сразу сообразив, о чем идет речь.

Станок возбужденно указывал пальцем в окно.

– Вот та левая развернулась и выехала за ворота. Остальные за ней двинули.

У Краевого отлегло от сердца. Ни о каком штурме чувачки Шмеля не помышляли. Просто даванули на психику, напомнили о том, что жизнь до обидного коротка.

Хозяин кабинета фыркнул. Всерьез внимать всей этой клоунаде было невозможно. Игра в законы и сомнительные правила не давала никаких преимуществ. Новый мир понимал только один язык – язык денег и оружия. И потому в реалиях все обстояло значительно проще. Либо ты, либо тебя. Вчера у него не получилось со Шмелем, а сегодня что-то, видно, не заладилось у самого Шмеля. То ли не решился старичок по-

казать зубки, то ли замелькался на последнем шаге...

– Что ж, выходим из подполья! – Он прилепнул ладонями по подлокотникам, энергично поднялся. Вбежавшему Леньчику, насмешливо подмигнул. – Шмелек-то наш труханул, а?

– А то! – Секретарь расплылся в улыбке. – Макар отзвонился. «Галактион» тоже чист.

– Скоморохи! – Краевой фыркнул. – Автопрогоном пугать вздумали!

– Сказать, чтобы готовили машину?

Краевой кивнул.

– Съездим отметим это дело. Заодно в сауне с телочками расслабимся.

– Понял! Сейчас все организуем! – Леньчик скрылся за дверью.

Похрустывая кулаками, ощущая себя большим и сильным, Краевой прошелся по кабинету. Жизнь, пестрая и многосерийная, продолжалась. Станок, вероятно, не слышал, а вот он отчетливо различил, как где-то в незримой пустоте щелкнул спущенный рычажок. Не боек, шлепнувший по капсулю, и не капканная пружина, – всего-навсего очередной поворот счетчика жизненных километров.

Долгожданный сон наконец-то пришел, но и во сне отчего-то вернулось минувшее. Справа и слева от Дмитрия толпились и перешептывались ученые-эксперты, у многих в ушах красовались кусочки ваты. Тому имелась причина. Воздух беспрестанно сотрясал рокот крупнокалиберных пулеметов, а гул оружейных выстрелов ощутимо встряхивал просторные, бетонной отливки блиндажи. На глазах у множественных зрителей уральские танки Т-90 С, те самые, на которые нацелилась Индия, с ревом преодолевали подъемы, на скорости долбили по далеким мишеням. Рожицы в полусотне метров от танков пригибались от выстрелов, как от порывов ураганного ветра.

– ..Сколько там всего было самолетов у НАТО? Около тысячи? Значит, полторы сотни ракет хватило бы за глаза. Я вполне серьезно! Полторы сотни – и никакой угрозы с небес!...

Запрокинув голову, Дмитрий проследил за сдвоенным высотным взрывом. Вторя словам разработчика, по воздушным целям произвели удар новейшие комплексы С-400 – штука, которой еще только предстояло всколыхнуть мировую общественность. Если верить слухам, потому и отреклись в свое время от С-300, разрешив продавать комплексы направо и налево. Просто-напросто объявился старший со-

брат – более жуткий и кулакастый. Одним-единственным залпом новый комплекс в состоянии был сбивать целые эскадрилии. Ракеты сами делили между собой цели, атаковали осмысленной стаей. Главный эффект достигался за счет того, что уже на подлете, подобно кассетным бомбам, ракеты дробились на десять-пятнадцать микроракет, атаку которых, не могло уже ничто остановить.

– А почему не спасает активная защита?

– Почему? – Разработчик довольно улыбнулся. – Есть два обстоятельства, сводящие эффективность противоракет к минимуму. Во-первых, радиолокационные системы самолетов слишком поздно обнаруживают приближение подобного гостинца. Есть такая категория, как время реагирования. Бортовой компьютер должен определить, что действительно происходит атака, суммировать данные о новых целях, выдать команду на запуск противоракет. На все это требуется не столь уж много времени – от двух до семи секунд. Но наши ракеты – это не тихоходы «Томагавки», и потому на практике что-либо предпринять противник просто не успевает. Кроме того, количество противоракет небезгранично, как небезгранично число каналов одновременного управления. Таким образом, даже опознав летящую в него ракету, любой истребитель-бомбардировщик западных ВВС бу-

дет сбит со стопроцентной гарантией. Взгляните! – Разработчик ладонью изобразил летящий самолет. – Это вы, а вот камень, который в вас бросили. Вы видите его и можете, по идее, уклониться или прикрыть голову рукой. Но за пять шагов вместо одного камня вы вдруг замечаете уже два десятка. И летят они не беспорядочной кучей, – каждый выбирает свою заковыристую траекторию. Один в ухо, другой – в висок, третий – в колено и так далее. Понимаете, к чему я клоню?

– Примерно.

Разработчик довольно улыбнулся.

– Это и есть принцип действия С-400. Можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день из всех тактических комплексов наш С-400 – бесспорно лучший. Кстати, в кулуарах уже поговаривают о создании качественно нового проекта – комплекса С-500.

– А это еще что за зверь такой?

– Понимаю ваш скепсис. Когда-то мы засекречивали все на свете, а тут вдруг такая утечка. По счастью, времена меняются. Мы без того немало пострадали из-за своей скрытности. Вон как американцы разрекламировали свои «Томагавки» и «Стелс». А вникнуть в тактико-технические данные – ничего особенного! И то, и другое наши системы сбивают самым

распрекрасным образом. Но о нас нигде ни полсловечка, а с участием тех же «Стелс» одних художественных фильмов снято более сотни. Так что просветление в умах произошло, и мы тоже наконец-то решились похвалить себя. Та же Нижнетагильская выставка – лишь первая ласточка. Так сказать, пробный камушек. Там, если слышали, и аэродром уже отлаживают. Комплексно будем технику показывать! Комплексно и ежегодно! Танки, ракеты, самолеты – все разом и в одном месте...

Словоохотливый разработчик тут же шепотом поведал об уникальных данных новой российской ракеты «Триумф», о том, что знаменитый «Москит» пора списывать в лом, поскольку на замену гиганту прошлого явился «Аркан» – крылатый титановый дракон, работающей по той же схеме, что и С-400. Ракету, собственно, нельзя было уже именовать ракетой. Наделенная компьютерным устройством, она самостоятельно разрабатывала нюансы атаки, меняла траекторию, уклонялась от встречных ракет, отстреливала ложные цели, создавала радиопомехи, а непосредственно над «объектом» подобно С-400 делилась на десяток смертоносных близнецов. При этом каждому «близнецу» указывалась своя определенная точка. При атаке того же авианосца один-единственный «Аркан» мог одновременно ударить в нос, в корму,

в надводную и подводную части судна. Скорость «Аркана» была такова, что на контрмеры у вражеских кораблей практически не оставалось времени. Атакующая подлодка, «Аркан» способен был нырять на глубины до трехсот метров, к целям же подбирался на сверхнизких высотах, практически задевая гребни волн. Таким образом при благоприятном стечении обстоятельств даже одиночный «Аркан», выпущенный по флотилии противника, в состоянии был вывести из строя не менее полудюжины кораблей.

– Красивый вариант, верно? Только представьте себе: один-единственный кораблик, вроде того же «Лимана», выйдя из Петербурга, приближается к группе вражеских авианосцев. Из всего вооружения – парочка символических пулеметов и ракетная батарея «Аркан» с заранее введенной программой. Причем атака может производиться с немыслимой для американских систем дальности. Если «Триумф» способен накрывать цели с дистанции в двести двадцать километров, то «Аркан» достанет противника уже с трехсот. Кстати, это вдвое больше американских показателей. Поэтому наш кораблик останавливается на безопасном удалении и скромно производит один-единственный залп. Все! Любо́й натовский флот автоматически оказывается на дне.

– По-моему, попахивает фантастикой.

– Ничуть! Вспомните, какие фокусы американцы проделывали в Югославии. Ракеты с лазерным наведением, графитовые и кассетные бомбы, полное господство в воздухе! Только одних космических спутников, обеспечивающих налеты, задействовали более семи десятков! Разумеется, сербы скрежетали зубами от ярости. Поливать небеса из устаревших зениток – вчерашний день. Это, собственно, и не война была, а демонстрация технической мощи.

– Пожалуй, вы правы.

– Еще бы!.. Представьте себе такую картину: наш «Су» заходит в атаку на тот же «Куб». Какого вы ждете результата? Разумеется, ни о какой равноценной дуэли и речи не идет. «Сухой» обнаружит и разнесет «Куб» раньше, чем тот вообще что-либо засечет своим допотопным локатором. Или другая такая же аналогия: расположите на пути наполеоновской армии батальон вооруженного до зубов спецназа, и без сомнения французов разнесли бы в клочья. Им бы даже не позволили форсировать Неман. Да еще пустились бы в преследование. То же самое и здесь. Наши комплексы – это качественно новое поколение. И случись сербам владеть некоторыми из российских новинок, они били бы натовцев с той же легкостью, с какой лупцевали их самих.

Дмитрий скептически улыбался, однако слушал

внимательно, стараясь не пропустить ни слова, тем более, что про ракету «Триумф» он знал до обидного мало, а про «Арканы» вообще слышал впервые. Впрочем, на этих крылатых исполинов не стоило даже облизываться. На полигон Дмитрий заявился ради иных испытаний.

Если итальянским и германским журналистам на астраханском полигоне демонстрировали запуск бывшей баллистической ракеты «Полет» с немецким спутником «Абриксас» и итальянским «Мегсат» на борту, то для «своих» показывали игрушки более агрессивные: артиллерийские кумулятивные снаряды, с дистанции прожигающие броневые пятидесятисантиметровые листы, двухканальные комплексы «Тор» и «Искандер», с пугающей легкостью сшибающие пущенные в них ракеты. А рядом безостановочно вращали локаторами знаменитые «Тунгуски», которым и пострелять толком не позволили. Едва дождавись своей очереди, жутковатые машины на пределе дальности первым же залпом в щепки разнесли последние из полигонных макетов. И почти незаметно на общем гроыхающем фоне прошел отстрел по высотным зондам скромных ракетных снарядов «Стратос-1» и «Стратос-2» – близких родственников ПЗРК «Стрела», способных поражать мишени на высотах до пятнадцати километров. На них-то и прицелился

Павел Викторович, ради этих стальных красавцев послал Дмитрия на астраханский полигон.

– Стреляли вы когда-нибудь из лука по летящим в небе птицам?

– Был грех, – признался Дмитрий. – Только не из лука, а из катушки.

– Из катушки?

– Ну да. К обычной деревянной катушке приматывается докторская резина, отверстие чуть рассверливается, – и готова стрелялка.

Инженер кивнул.

– И как? Попадали?

– Слава Богу, нет.

– Я тоже не попадал, но когда мы занялись «Стратосом», тут же припомнил детские шалости. Если бы стрела, добравшись до нужной высоты, могла корректировать курс и «самостоятельно» поворачивала к птице, то и не летать бы стригам над нашим садом. – Разработчик кивнул в сторону сверкающих стеклом стеллажей. – «Стратос» именно так и действует. Кстати, первый проект предлагал еще Курчевский. Да, да! Тот самый, что создал безоткатные орудия реактивно-динамического принципа. Как знать, не было бы этой светлой головушки, возможно, не появилось бы и нашей знаменитой «Катюши». Сергею Королеву пришлось бы начинать с нуля...

Дмитрий приблизился к стенду, демонстрирующему высотного убийцу, с любопытством прищурился. От обычных артиллерийских снарядов «Стратос» отличался разве что более удлиненной формой и замысловатой конструкцией наконечника. Собственно, основная хитрость в том и заключалась, что «Стратос» выстреливали в небо из стандартных орудий и минометов. Если те же «Иглы» и «Стрелы» не пробивали высоты более четырех километров, то «Стратосы» благодаря артиллерийскому посылу разом взмывали на высоту восьми-двенадцати километров. Далее срабатывал реактивный движок, и снаряд, превращаясь в ракету, входил в систему поиска, штопором вворачиваясь в небо, с легкостью настигая самые скоростные самолеты. При этом посылать снаряды можно было практически вслепую – из любого замаскированного убежища, – лазерную наводку осуществляли совсем из иных мест. Двухканальная головка самонаведения обеспечивала достаточно высокую точность поражения, малые размеры не позволяли расстрелять ее на подлете. Если ракета ПЗРК «Игла» весила чуть более десяти килограммов, масса отдельных разновидностей «Стратоса» колебалась от восьми до двадцати килограммов. Мелочь, если припомнить, что тот же «Москит» переваливал за четыре тонны. Иными словами, подобные снаряды легко перевозились на всех

видах транспорта. В крайнем случае их можно было даже навьючить на лошадь или мула. Не требовалось ни специального грузоподъемника, ни других премудрых устройств. В отличие от старенького «Квадрата», система не была привязана к дорогостоящим стартовым установкам и радиолокационным пультам управления. Ствольный миномет нужного калибра, лазерный прицел – и все! При этом стоимостью реактивные снаряды обладали в тысячи раз меньшей, нежели тот же С-300, и, уступая в эффективности, выигрывали в мобильности и скрытности.

Так или иначе, но были люди и были обстоятельства, способствующие приобретению небольших партий воздушных хищников. По словам того же разработчика, который успел получить первый гонорар и в сущности работал уже на Павла Викторовича, проект «Стратоса» по сию пору пребывал в стадии заморозки. Комплектуемые, наштампованные в изрядном количестве, лежали на складах без дела. И причиной тому было не только бедственное положение России. Просто-напросто в один прекрасный день достаточно авторитетные люди рассудили, что реактивные снаряды морально устарели, и оборонный комплекс страны в них не нуждается. Вероятно, в чем-то эти ученые мужи были правы. Идеальные в партизанских условиях, на территориях Колумбии, Гватемалы и Афганиста-

на, – в реалиях Российской державы снаряды «Стратос» действительно не играли главенствующей роли. Будущее принадлежало всемогущим монстрам вроде С-400 и того же «Аркана»...

Утро полоснуло по глазам косой бритвой. Слово некто большой и сильный одним движением сделал кесарево сечение, помогая Дмитрию выпростаться на свет. На секунду он снова прикрыл глаза, но полигон, грохочущие выстрелы – все осталось уже по ту сторону реалий.

Стараясь, не разбудить спящую рядом Диану, Дмитрий сел на кровати, торопливо стал одеваться.

Глава 8

– Сорт яблок? Не помню. —

– Ну, ты скажешь, Никитична! – Рыжий торговец натужно рассмеялся.

– Ладно, пойдут и грузинские, – Дмитрий кивнул. – Все лучше, чем Францию с Венгрией спонсировать.

– Свои-то они свои, а в НАТО намылились. – Немедленно отозвалась все та же бойкая на язык «наседка».

– Это не надолго, – успокоил Дмитрий. – По сути и крови они все равно наши. И выпить любят, и побездельничать.

– Это точно! И шахматисты у них сильные...

В торговых рядах тут же вспыхнула дискуссия по поводу грузинского менталитета. Опасаясь быть втянутым в жаркий спор, Дмитрий загрузил пакет фруктами и поспешил расплатиться с продавцом. Отойти далеко, впрочем, не удалось. Сморщенный старик, сидящий чуть в стороне от продуктовых лотков, потянул его за рукав.

– Купи, дорогой! Отдам совсем дешево.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.